

РОМАН ТОЛМАЧЕВ

АРК 2: ИЗГОЙ

МЕЖЗВЁЗДНЫЙ АРХИПЕЛАГ

Роман Толмачев

Арк 2: Изгой

«Автор»

2026

Толмачев Р. С.

Арк 2: Изгой / Р. С. Толмачев — «Автор», 2026

Сто двадцать три года человечество летит сквозь безмолвную пустоту космоса. Впереди — Объект Т-1, планета, которая может стать новым домом. Вся надежда миссии возложена на Штамм-7 — уникальную кислородную культуру, созданную 21-летним биоинженером Михаилом Лариным. Но за триумфальным фасадом науки скрывается тёмная сторона Архипелага. В руки Михаила попадает секретный "Протокол Пробуждения", отправленный по дальней связи с корабля "Терра". Метод обещает невероятное ускорение роста бактерий, но требует использования реактивов с чёрного рынка Вольных Портов. Решаясь на тайный эксперимент, Михаил не догадывается о последствиях. Безопасники «Авроры» идут по его следу, границы между друзьями и врагами стираются. Когда ставки поднимутся до предела, молодому учёному придётся столкнуться с невидимым противником, который готов саботировать будущее человечества. И в этой войне победит не тот, у кого лучше приборы, а тот, кто научится выживать.

© Толмачев Р. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правда	5
Глава 2. Пустой дом	15
Глава 3. Девочка и звёзды	23
Глава 4. За бортом	31
Глава 5. Старый знакомый	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман Толмачев

Арк 2: Изгой

Глава 1. Правда

1.1

Корабль-материк «Аврора» нёс в себе два миллиона человек через межзвёздную пустоту уже сто двадцать три года.

Четыре гигантских тора, соединённых центральной осью, вращались в темноте, создавая иллюзию гравитации для тех, кто жил внутри. Города, фермы, лаборатории, парки — целый мир, упакованный в сорок пять километров металла и стекла. Снаружи — бесконечность. Внутри — жизнь. Хрупкая, упрямая, продолжающаяся.

Михаил Ларин стоял на техническом балконе над главным ангаром, и жизнь внутри него заканчивалась.

Ему был двадцать один год. Биоинженер, специалист по экстремофилам, создатель Штамма-7 — уникальной линии цианобактерий, способных выживать под ультрафиолетом, который убивал всё остальное. Ещё вчера он был заместителем руководителя группы «Биосфера-1» — ключевой научной группы первой экспедиции терраформинга. Ещё вчера он готовился к полёту на далёкую планету, которую собирался превратить в новый дом для человечества.

Ещё вчера у него была мечта.

Сегодня мечта улетела без него.

Ангар внизу был пуст. Огромное пространство — три футбольных поля под одной крышей — ещё хранило следы суеты: царапины на полу от контейнеров, пятна масла, забытый кем-то страховочный трос. Но шаттл, который стоял здесь несколько часов назад, исчез. Ушёл в темноту, унося сто двадцать человек к звёздам.

Сто двадцать. Не сто девятнадцать плюс Михаил и не сто двадцать один.

Его не было в списке.

Капитан Дмитрий Северов — командир «Авроры», человек с лицом, словно высеченным из камня, и глазами цвета зимнего неба — лично вычеркнул его имя. Без объяснений. Без предупреждений. Просто — не назвал.

Михаил смотрел на пустой ангар и чувствовал, как внутри пульсирует что-то горячее, тёмное, разрушительное. Злость. Чистая, концентрированная, без примеси надежды.

Шаги за спиной.

Он знал эти шаги — размеренные, уверенные, привыкшие к тому, что перед ними расступаются. Слышал их десятки раз за последний месяц. На собраниях, на симуляциях, в коридорах, где капитан появлялся как тень — молчаливая, наблюдающая.

Михаил не обернулся.

— Вот ты где, — голос Северова.

Не вопрос. Констатация. Как всегда.

— Уходите.

Слово вырвалось раньше, чем Михаил успел подумать. Резкое, хриплое, отравленное.

— Нам нужно поговорить, — сказал Северов.

Михаил развернулся.

Капитан стоял в дверном проёме — том самом, через который обычно проходили техники для обслуживания вентиляционных систем. Высокий, прямой, с седыми волосами, которые в тусклом свете аварийных ламп казались белыми. Комбинезон командирский — тёмно-синий, без украшений, только нашивка «Авроры» на плече. Лицо — камень, как всегда. Ни тени эмоций.

— Нам? — Михаил сделал шаг вперёд. — Нам нечего обсуждать. Вы получили, что хотели.

— И что же я хотел?

— Месть.

Слово повисло в воздухе, тяжёлое и уродливое.

— Месть, — повторил Михаил. Голос набирал силу. — За грубость. За то, что я посмел повысить голос. Помните? Финальная симуляция, месяц назад. Каскадный кризис, десять секунд до катастрофы. Я отдавал команды, вы ворвались на мостик, а я... — он оборвал себя, но продолжил: — Я крикнул: «Вон отсюда! Охрана, уберите постороннего!»

Пауза.

— Одна фраза. Одно мгновение. В стрессе, под давлением, когда на кону были жизни — пусть симуляционные, но в тот момент они казались настоящими. Одна фраза — и вы вычеркнули меня из жизни.

Северов молчал.

— Или нет, — Михаил продолжал, и злость несла его, как течение. — Может, дело не только в том эпизоде. Может, дело в собрании, когда исключали Ингу Соренсен. Помните? Я встал и сказал, что нельзя выбрасывать людей ради политических сделок с Корпоративным Анклавом. Сказал, что у каждого — мечта, история, предки, которые работали ради этого момента.

Он криво усмехнулся.

— Красивая была речь. Бесполезная, но красивая. Вы сидели и смотрели. Молча. Тем самым нечитаемым взглядом, которым смотрите сейчас. И ничего не сказали. Ни слова.

Северов стоял неподвижно. Руки по швам. Дыхание ровное.

— А потом — вы вернули Ингу. На моё место. Ирония, да? Я боролся за неё — и она получила то, что отняли у меня. — Михаил чувствовал, как горло сжимается, но не позволял себе остановиться. — Изящно. Я должен оценить.

Тишина.

Михаил ждал ответа. Возражения, оправдания — хоть чего-нибудь. Но Северов молчал. Просто стоял и слушал, как слушают шторм — терпеливо, зная, что он закончится.

И это молчание бесило больше всего.

— Скажите что-нибудь! — голос Михаила сорвался на крик. Эхо ударилось о стены ангара, разлетелось осколками. — Хоть что-нибудь! Объясните! Оправдайтесь! Признайте, что вы — мелочный, мстительный человек, который не может простить одного слова!

— Закончил? — спросил Северов.

— Нет!

— Тогда продолжай.

Голос капитана был ровным. Спокойным. Почти мягким.

Михаил открыл рот — и обнаружил, что слова кончились. Злость не исчезла, но выплеснулась, оставив пустую, ноющую рану. Он стоял перед Северовым, тяжело дыша, с кулаками, сжатыми до боли в суставах, и не знал, что ещё сказать.

Всё уже было сказано.

— Я шёл к этому семь лет, — произнёс он наконец. Тихо. Почти шёпотом. — С четырнадцати лет. Каждый день. Вы это знаете. Вы читаете все логи, все личные дела, все отчёты. Вы знаете обо мне больше, чем я сам.

Он сглотнул.

— Мой прадед строил этот корабль. Дмитрий Алексеевич Ларин. Он записал послание для потомков — сто двадцать лет назад, в первые годы полёта. Он просил... — голос дрогнул. — Он просил, чтобы кто-то из нас добился того, ради чего они умирали.

Пауза.

— Я должен был быть этим кем-то. Я обещал. Ему, себе, родителям, Ане — десятилетней девочке, которая нарисовала мне планету с зелёными деревьями и верит, что я её создам.

Он поднял глаза на Северова.

— Я всех подвёл.

Тишина длилась долго.

Балкон нависал над ангаром, и звуки оттуда — далёкий гул вентиляции, скрип металла, шорох систем — поднимались вверх, создавая фон из механического шёпота. «Аврора» жила. Дышала. Двигалась сквозь пустоту, как и все сто двадцать три года до этого момента.

Михаил ждал ответа.

Северов стоял молча. Минуту, две, три. Михаил считал удары собственного сердца — быстрые, гулкие, постепенно замедляющиеся. Адреналин уходил, оставляя свинцовую усталость.

Наконец капитан шагнул вперёд. Подошёл к перилам балкона, встал рядом с Михаилом. Не слишком близко — на расстоянии вытянутой руки. Посмотрел вниз, на пустой ангар.

— Ты знаешь, сколько лет я на этой должности? — спросил он.

Михаил не ответил.

— Двадцать два года. Я стал командиром «Авроры», когда мне было тридцать три. Младший командир в истории архипелага. Знаешь, почему?

Молчание.

— Потому что мой предшественник умер. Авария в энергетическом секторе. Капитан Решетников — хороший человек, умный, справедливый — погиб, пытаясь вручную перекрыть утечку хладагента. Спас четыреста человек. Убил себя.

Северов говорил ровно, без эмоций. Как о погоде.

— Я был его заместителем. Младшим. Необученным. Не готовым. Но он умер — и кресло досталось мне. Не потому, что я этого хотел. Не потому, что заслужил. Просто — больше было некому.

Не повернулся к Михаилу.

— Двадцать два года я принимаю решения, от которых зависят два миллиона жизней. Двадцать два года я не сплю нормально. Двадцать два года я смотрю людям в глаза и говорю «нет», зная, что они будут ненавидеть меня за это.

Пауза.

— Ты думаешь, я мщу тебе за грубость?

1.2

Михаил не ответил. Стоял, привалившись к перилам, глядя куда-то мимо Северова.

— Сядь, — сказал капитан. Не приказ — что-то другое. Михаил не нашёл слова. Просьба? Почти.

Он не хотел садиться. Не хотел оставаться. Не хотел слушать. Но ноги не держали — после бессонной ночи, после крика, после того, как адреналин схлынул, оставив пустую оболочку. Он опустился на пол, спиной к перилам. Холодный металл сквозь ткань комбинезона.

Северов не сел. Остался стоять — у перил, глядя вниз, на пустой ангар. Его профиль в тусклом свете казался вырезанным из стали: резкий подбородок, прямой нос, глубокие морщины от крыльев носа к углам рта. Лицо человека, который слишком долго принимал решения за других.

— Я расскажу тебе кое-что, — начал он. — Кое-что, чего нет в открытых архивах. Нет в учебниках. Нет в тех красивых отчётах, которые показывают курсантам, чтобы они горели энтузиазмом и рвались в экспедиции.

Он помолчал.

— Ты знаешь о трёх провалившихся экспедициях. «Новая Земля», «Первоцвет», «Заря». Ты нашёл упоминания в архиве — Рената Волкова показала тебе часть правды. Но только часть.

Михаил поднял голову. Имя архивариуса — пожилой женщины с цепким взглядом, которая, возможно, прислала ему запись прадеда — кольнуло что-то внутри.

— Что вы знаете о Волковой?

— Всё. — Северов чуть повернул голову. — Я знаю всё обо всех на этом корабле. Это моя работа. Но мы сейчас не о ней.

Он отвернулся обратно к ангару.

— «Новая Земля». Первая попытка. Восемьдесят лет назад. Сто сорок человек. Лучшие из лучших — как ваша группа, улетевшая сегодня. Горящие, талантливые, уверенные, что справятся.

Пауза. Длинная, тяжёлая.

— Через три года связь прервалась. Не постепенно, не из-за расстояния. В один день. Последняя передача утром — штатный отчёт, никаких проблем. Вечером — тишина. Потом — аварийный маяк. Автоматический. Без голоса, без объяснений. Просто сигнал: «SOS». И всё.

Михаил нахмурился.

— Штатный отчёт утром — и тишина вечером? Без промежуточных сигналов?

— Без, — подтвердил Северов. — Словно кто-то выключил свет. Разом.

— Что могло так быстро...

— Мы не знаем. — Голос Северова был ровным, но Михаил уловил в нём нотку, которую не слышал раньше. Не злость, не печаль. Что-то другое. Настороженность? — Официальная версия — катастрофическая разгерметизация. Метеорит, пробивший корпус станции. Но...

Он не закончил.

— Но?

— Вероятность прямого попадания метеорита достаточного размера в станцию — один к трёмстам миллионам. В год. За три года — один к ста миллионам. Мы живём с этим риском. Весь Архипелаг живёт с ним сто двадцать три года. И ни одного попадания.

Михаил молчал, усваивая.

— «Первоцвет». Вторая попытка. Шестьдесят лет назад. — Северов достал из кармана что-то маленькое, похожее на флэш-карту. Покрутил в пальцах. — На этот раз подготовились лучше. Двести человек. Усиленная психологическая подготовка, улучшенное оборудование, двойное резервирование всех систем.

Он помолчал.

— Связь держалась семь лет. Мы получали отчёты. Первый год — оптимистичные. «Станция развёрнута, образцы засеяны, всё по плану». Второй — осторожные. «Проблемы с оборудованием, но справляемся». Третий — тревожные. «Потери в составе. Болезни. Психологические проблемы».

Он замолчал на несколько секунд.

— Четвёртый год. «Конфликт между группами. Раскол. Часть экипажа отказывается подчиняться командиру». Пятый. «Нехватка ресурсов. Рацион сокращён. Люди слабеют». Шестой. «Погибли ещё четверо. Реактор работает на пределе. Просим помощи».

— Конфликт, — повторил Михаил. — Из-за чего?

— Из отчётов неясно. — Северов снова крутил флэш-карту в пальцах. — Что-то о «разногласиях по поводу приоритетов». Одна группа хотела продолжать терраформинг, другая — свернуть программу и сосредоточиться на выживании. Странно, потому что командир «Первоцвета» — капитан Хольц — был опытным, жёстким, авторитетным. Не тот человек, против которого бунтуют.

— Но взбунтовались.

— Взбунтовались. — Северов кивнул. — Или кто-то их к этому подтолкнул. Командир Хольц погиб при невыясненных обстоятельствах — «несчастный случай» в реакторном отсеке. После его смерти раскол стал необратимым.

Тишина. Михаил переваривал услышанное. «Несчастный случай» прозвучало так, как будто Северов обрамлял эти слова невидимыми кавычками.

— На седьмой год связь прервалась, — продолжал капитан. — Последнее сообщение: «Реактор нестабилен. Уходим на поверхность. Если кто-нибудь это слышит — не повторяйте наших ошибок».

Пауза.

— «Уходим на поверхность». На планету без атмосферы, без воды, без тепла. В скафандрах, с запасом кислорода на несколько часов. Они знали, что умрут. Но оставаться на станции — было хуже.

— Хуже? — голос Михаила был хриплым.

— Станция стала склепом. Конфликты, болезни, смерти. К шестому году из двухсот осталось меньше семидесяти. Семьдесят из двухсот. За шесть лет.

— Сто тридцать человек, — прошептал Михаил.

— Сто тридцать.

Северов помолчал, потом продолжил:

— «Заря». Третья попытка. Сорок лет назад. — Он посмотрел вниз, на пустой ангар, и Михаилу показалось, что в глазах капитана мелькнуло что-то похожее на боль. — Это было ближе всего. Они продержались двенадцать лет. Построили станцию, развернули производство, начали атмосферную фазу. Отчёты были хорошие — настолько, что Совет Авроры начал планировать вторую волну.

— И что случилось?

— Пандемия. — Северов произнёс это слово так, словно оно было живым и опасным. — Мутировавший штамм бактерий, который они сами привезли. Он должен был работать на терраформинг — перерабатывать грунт, готовить почву. Но в условиях станции он эволюционировал. Изменился. Стал патогенным для людей.

Михаил почувствовал, как что-то холодное шевельнулось внутри. Бактерии. Мутация. Биологический агент, который убивает не сразу — сначала работает, потом...

— За четыре месяца — сорок процентов экипажа, — продолжал Северов. — Пятьдесят шесть человек из ста сорока.

— Мутация, — повторил Михаил. — Случайная?

Северов посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Официально — да. Случайная мутация, непредвиденная эволюция в замкнутой среде. — Он помолчал. — Но штамм мутировал очень... специфически. Не просто стал опасным — стал опасным именно для людей. Не для других организмов на станции. Только для людей.

Тишина.

— Остальные выжившие продолжали работу ещё три года, — закончил Северов. — Потом связь прервалась. Как с первыми. Как со вторыми.

Он повернулся к Михаилу.

— Три экспедиции. Четыреста восемьдесят человек. Ни один не вернулся. Ни от одной нет подтверждения, что хоть кто-то выжил.

Михаил сидел неподвижно.

Информация, которую только что вложил в него Северов, была слишком большой, слишком тяжёлой. Как валун, который положили на грудь. Он знал о провалившихся экспедициях — находил упоминания в архиве, слышал от чиновника, читал между строк. Но одно дело — догадываться и додумывать. Другое — слышать цифры, детали, нюансы.

Особенно нюансы.

«Связь прервалась в один день. Штатный отчёт утром — тишина вечером».

«Несчастный случай в реакторном отсеке».

«Штамм мутировал очень специфически. Только для людей».

Три провала. Три разных причины. И в каждой — что-то, что не складывалось в картину естественной катастрофы. Что-то, что наводило на мысли...

Но Михаил отогнал эти мысли. Не сейчас. Сначала — главное.

— Почему это не в открытом доступе? — спросил он.

— Потому что люди не полетят, если будут знать правду. — Северов говорил это без стыда, без оправданий. Как факт. — Двадцатипроцентная смертность — героическая жертва. Семидесятипроцентная — самоубийство. Совет решил, что правда — не лучшая мотивация.

— Совет решил. А вы?

— Я согласился. Потому что иначе — никто не полетит. А если никто не полетит — человечество останется в этой железной коробке, пока она не развалится. Рано или поздно — реакторы, болезнь, катастрофа. Арк — не вечен.

Михаил вспомнил старого инженера Смирненко — человека, который пятьдесят три года следил за термоядерным реактором, и говорил: «Пятьдесят три года и ни одной катастрофы. Пока».

Пока.

— И поэтому вы отправляете людей умирать?

— Поэтому я отправляю людей пытаться. — Северов сделал ударение на последнем слове. — Каждая экспедиция — урок. «Новая Земля» научила нас, что нужны резервные каналы связи. «Первоцвет» показал, что одного командира недостаточно — нужна система. «Заря» дала данные о биологических рисках, которые мы никогда бы не получили в лаборатории.

— Ценой жизнью.

— Да. Ценой жизнью.

Ни секунды колебания. Михаил смотрел на Северова и видел человека, который давно переступил черту, за которой подсчёт жертв перестаёт быть моральной проблемой и становится математикой. Не потому что ему всё равно. А потому что альтернатива — хуже.

— И те, кто улетел сегодня, — сказал он медленно, — Кирилл, Лина, Артём, Тамарина... они не знают?

— Тамарина знает. Она читала отчёты — не все, но достаточно. Она понимает риск. И всё равно полетела. Это её выбор. Остальные... — Северов качнул головой. — Нет. Официальная версия — двадцать процентов.

— И вы спокойно отправили их?

— Спокойно? — Впервые за весь разговор что-то мелькнуло в глазах Северова. Быстро, как искра — и погасло. — Нет, Ларин. Не спокойно. Я отправил сто двадцать человек в место, откуда большинство, возможно, не вернётся. Я пожал каждому руку. Посмотрел каждому в глаза. И промолчал.

Он отвернулся.

— Ты говоришь, что я мелочный. Что мщу за грубость. Я отправляю людей умирать. Каждый раз. Каждую экспедицию. И каждый раз — знаю, что могу их потерять. Ты думаешь, после этого у меня есть силы мстить за одно слово?

Молчание. Долгое, вязкое, тяжёлое.

Михаил сидел на холодном полу и чувствовал, как что-то внутри сдвигается. Злость не исчезла — она была слишком сильной, слишком глубокой. Но рядом с ней появилось другое. Не согласие. Не прощение. Скорее — щель, через которую начинал просачиваться свет.

— Тогда зачем? — спросил он. Тихо. Без злости. Просто вопрос. — Зачем меня исключили? Если не месть — тогда что?

— Потому что ты — не расходный материал, — сказал Северов.

— Что это значит?

— Это значит, — Северов подошёл ближе, присел на корточки, оказавшись вровень с Михаилом, — что ты слишком ценен, чтобы тратить тебя на разведку боем.

Михаил смотрел на него, не понимая. Или не желая понимать.

— Разведка боем, — повторил Северов. — Вот что такое первая волна. Они летят, чтобы выяснить, что нас убьёт. Они — авангард. Жертва. Необходимая, героическая, но — жертва.

— Кирилл — жертва?

— Кирилл — прекрасный инженер. — Северов кивнул. — Лина — блестящий климатолог. Артём — надёжный специалист по жизнеобеспечению. Все они — лучшие в своём деле. Но они — специалисты. Исполнители. Люди, которые выполняют задачи.

— А я?

— А ты — тот, кто ставит задачи.

Пауза.

— Я наблюдал за тобой последний месяц, — продолжал Северов. — Не только я — Тамарина, психологи, кураторы. Все видели одно и то же.

Он загнул палец:

— На симуляции ты принял нестандартное решение, которое спасло корабль. Не по протоколу, не по учебнику — по интуиции. И оказался прав.

Второй палец:

— На собрании, когда исключали Соренсен, ты встал и говорил — когда все остальные молчали. Не потому, что это было выгодно. Потому, что это было правильно.

Третий:

— В «Колыбели», когда контаминация угрожала сорока процентам образцов, ты выбрал рискованную очистку вместо безопасной изоляции. И выиграл. Потери — семь процентов вместо сорока.

Четвёртый:

— Ты создал Штамм-7, когда тебе было девятнадцать. Два года работы, сотни неудач — и прорыв. Это не просто наука. Это — упрямство. Вера. То, что нельзя выучить.

Не опустил руку.

— Таких, как ты, — единицы, — сказал Северов. — Ты не просто специалист. Ты — тот, кто однажды может занять моё место. Или найти свой путь — другой, не мой. Но я не мог позволить тебе погибнуть, прежде чем ты узнаешь, на что способен.

Михаил молчал, глядя в глаза человеку, который только что перевернул его мир во второй раз за сутки.

Потом он заговорил.

Не сразу. Прошло несколько минут — или больше. Михаил не считал. Слова Северова кружились в голове, сталкивались друг с другом, рассыпались и собирались заново.

«Ты слишком ценен».

«Я тебя спасал».

«Лидер».

Красивые слова. Правильные слова. Слова, которые всё объясняли, всё оправдывали, всё ставили на свои места.

Слишком красивые.

— Знаете, что я думаю? — сказал Михаил.

Северов ждал.

— Я думаю, что вы — очень умный человек. — Голос Михаила был ровным, пустым. — Двадцать два года командования. Тысячи решений. Вы научились объяснять. Оправдывать. Находить правильные слова для неправильных поступков.

Северов не дрогнул.

— И я думаю, — продолжал Михаил, — что постфактум можно объяснить что угодно. Любое решение можно завернуть в красивую обёртку. «Я тебя спасал». «Ты слишком ценен». «Ты — будущий лидер». — Он горько усмехнулся. — Звучит прекрасно. Звучит благородно. Звучит так, что мне сложно возразить, не выглядя при этом неблагодарным идиотом.

— Но?

— Но я не верю.

Слова упали в тишину.

— Не верю, — повторил Михаил. — Не потому, что вы лжёте. Может, вы говорите правду. Может, всё именно так, как вы описали. Но я не могу в это поверить. Не могу залезть к вам в голову и увидеть, что там на самом деле. Может, вы действительно видите во мне лидера. А может — просто нашли красивое объяснение для обычной человеческой мести.

Он встал. Ноги держали — не потому, что появились силы, а потому, что злость давала опору. Другую, чем раньше. Не горящую — холодную.

— Я видел ваше лицо, когда вы зачитывали список, — сказал он. — Камень. Ни одной эмоции. Вы не посмотрели в мою сторону. Ни разу. Как будто меня не существует.

— Я не мог, — сказал Северов тихо.

— Не могли? Или не хотели?

Северов не ответил.

— Вот именно. — Михаил отвернулся. — Вы не знаете. Или знаете — но не скажете. Потому что правда — не всегда красивая.

Он пошёл к двери. Каждый шаг давался тяжело — не физически, а как-то иначе. Как будто что-то удерживало, тянуло назад.

— Ларин.

Он остановился. Не обернулся.

— Ты поймёшь, — сказал Северов. — Со временем.

— Может быть.

— Когда будешь готов говорить — найдёшь меня.

Михаил стоял спиной к капитану. Несколько секунд. Потом — шагнул в коридор.

Коридоры технического сектора были пусты.

Михаил шёл, не думая о направлении. Ноги несли сами — мимо закрытых дверей, мимо мигающих индикаторов, мимо труб и кабелей. «Аврора» жила своей жизнью — гудела, вибрировала, дышала. Два миллиона человек за стенами продолжали свои дела: работали, ели, спали, любили.

Для них ничего не изменилось. Экспедиция улетела — событие, о котором поговорят неделю и забудут. Для них Михаил Ларин — просто парень, который не попал в список. Не повезло. Бывает.

Для него — конец мира.

Или нет?

Слова Северова не отпускали. Цеплялись, как репейник. «Я тебя спасал». «Ты слишком ценен». «Семидесятипроцентная смертность».

Семьдесят процентов.

Михаил остановился у окна. За стеклом — внутренняя сторона тора. «Небо» из световых панелей, далёкие конструкции противоположной стены кольца, крошечные огоньки жилых секторов.

Кирилл сейчас где-то там, в темноте. Летит в шаттле к кораблю, который унесёт его к далёкой планете. Лина. Артём. Марек. Тамарина. Нельсон. Инга — Инга, которая заняла его место.

Семьдесят процентов из них, возможно, очень скоро погибнут.

Кирилл.

Мысль обожгла — физически, как ожог. Кирилл — его друг, его голос разума, человек, который умел слушать лучше, чем кто-либо. Кирилл, который последним искал его взглядом перед посадкой на шаттл.

Семьдесят процентов.

Михаил прижал лоб к стеклу. Закрыв глаза.

Если Северов говорил правду — а что-то внутри, что-то упрямое и нежеланное, начинало допускать, что это возможно, — то Кирилл летел умирать. И знал об этом? Нет. Тамарина знала. Остальные — нет.

А он, Михаил, остался. Не потому что провалился. Не потому что недостойн. А потому что...

Нет. Он не мог. Не мог принять эту версию. Слишком удобная, слишком лестная, слишком... красивая.

«Постфактум можно объяснить что угодно».

Он оттолкнулся от стекла и пошёл дальше.

Каюта встретила его темнотой и тишиной.

Маленькое пространство — шесть квадратных метров, койка, стол, шкаф, санузел за перегородкой. Стандартное жильё для одиночки в Республике Солнца. Ничего лишнего. Ничего личного.

Нет — не совсем. На полке стояла бумажная книга — подарок деда. Рядом — модель цианобактерии, которую он сделал ещё студентом. И камень 2847-A-17, гладкий, тёмный — подарок матери с астероидной выработки, которую она посетила в молодости.

А во внутреннем кармане — рисунок Ани. Планета с зелёными деревьями. Голубое небо, которого он никогда не увидит.

Михаил опустился на койку.

Каюта была его — маленькая, тесная, но своя. Он никуда не улетел. Значит, некуда и уходить. Да и куда идти? Домой, к родителям, на четырнадцатый уровень сектора «Рассвет»? Туда, где мать будет смотреть на него мокрыми глазами и говорить: «Мы всё равно гордимся»?

Нет. Не сейчас.

Он вспомнил Марту Ивановну — уборщицу, которую встретил вчера в коридоре. Как она сказала: «Миша, не торопись. Ты никуда не опаздываешь». Вчера это прозвучало странно. Сейчас — зловеще.

Она знала? Знала заранее, что его не будет в списке?

Кто ещё знал?

Михаил лёг на койку, глядя в потолок. Индикаторы систем жизнеобеспечения мерцали привычным ритмом — синий, зелёный, синий. Всё штатно. Всё нормально.

Ничего не нормально.

Не закрыл глаза.

Мысли наплывали волнами — бессвязные, обрывочные. Лицо Северова. Голос прадеда. Кирилл, машущий рукой в пустоту. Инга, поднимающаяся со своего места в зале — на его месте. Данные Льва Козна — «Протокол Пробуждения» — в памяти коммуникатора. Удалить переписку. Он обещал удалить. Не удалил.

«Штамм мутировал очень специфически. Только для людей».

Мысль мелькнула и исчезла. Он был слишком измотан, чтобы ухватить её.

Где-то за стеной — гул систем. Пульс корабля. Пульс жизни, которая продолжается, несмотря ни на что.

Михаил лежал в темноте, один, и не знал, что будет завтра.

Михаил лежал в темноте, один, и прислушивался к тихому гулу систем за стеной — пульсу корабля, продолжавшему свой ход несмотря ни на что. Сон не шёл, но пришла тяжёлая, свинцовая усталость.

Последняя мысль перед тем, как сознание погасло, была о Кирилле и тех семидесяти процентах.

А затем наступила темнота.

Глава 2. Пустой дом

Утро пришло без спроса.

Световые панели за окном медленно набирали яркость — имитация рассвета, привычный ритм «Авроры», отмерявший дни для двух миллионов человек. Михаил лежал на койке, глядя в потолок, и думал: зачем вставать?

Раньше этот вопрос не возникал. Раньше каждое утро имело цель — лаборатория, эксперименты, встречи, подготовка. Каждый час был заполнен, каждая минута — расписана. Он жаловался на это — шутил с Кириллом, что не помнит, когда последний раз проснулся без будильника.

Кирилл.

Мысль царапнула — быстро, остро, как осколок стекла. Он отогнал её. Не сейчас.

Коммуникатор на тумбочке мигал — входящие сообщения. Михаил потянулся к нему, посмотрел на экран, не разблокируя.

Двенадцать непрочитанных.

Первое — от матери. Штамп времени: 23:47 вчера. «Миша, мы слышали. Пожалуйста, позвони. Или приезжай. Мы ждём».

Второе — от отца. 00:15. «Сын. Мы с тобой. Что бы ни случилось — мы с тобой. Приезжай, когда сможешь».

Третье — от кого-то из администрации. Тема: «Изменение рабочего статуса». Михаил не стал открывать.

Четвёртое — от коллеги из соседнего отдела. «Михаил, я в шоке. Если нужно поговорить...»

Пятое, шестое, седьмое — от людей, чьи имена он узнавал, но с которыми не был близок. Сочувствия, вопросы, предложения помощи. Стандартный набор. Нормальная человеческая реакция на чужую беду.

Он не ответил ни на одно.

Не потому что не хотел. Не потому что злился. Просто — не знал, что сказать. «Спасибо за поддержку»? «Мне нормально»? «Нет, мне не нормально, и я не знаю, будет ли когда-нибудь нормально снова»?

Он положил коммуникатор экраном вниз и сел на кровати.

Каюта.

Шесть квадратных метров — его мир последние три года, с тех пор как получил самостоятельное жильё, съехав от родителей. Стены — стандартные серые, без украшений. Койка, стол, шкаф, санузел за перегородкой. Минимум пространства, максимум функций. Как всё на «Авроре» — рационально, экономно, без излишеств.

Но здесь были вещи, которые делали это пространство — его.

На полке — бумажная книга. Настоящая, бумажная, с пожелтевшими страницами и запахом чего-то древнего. «Основы экологии» — учебник, изданный ещё на Земле, привезённый на «Аврору» кем-то из первых поселенцев. Отец передал её Михаилу на четырнадцатилетие — семейную реликвию, книгу деда Алексея. «Она досталась мне от твоего деда, — сказал тогда Александр. — А теперь переходит к тебе. Читай. Здесь всё, что нужно знать о жизни. Не только о бактериях — о жизни вообще».

Рядом — модель цианобактерии. Грубая, самодельная — он склеил её из подручных материалов на втором курсе практики, когда Тамарина впервые допустила его к инкубаторам. Мембрана, рибосомы, тилакоиды — всё было не совсем правильным, масштаб хромал, но

Тамирина посмотрела и сказала: «Сойдёт. У тебя руки растут откуда надо». Высшая похвала из её уст.

Камень 2847-А-17. Гладкий, тёмный, размером с кулак. Мать привезла его с астероидной выработки, куда летала в молодости, задолго до рождения Михаила. «Это осколок мира, который старше нашего Солнца, — сказала она. — Держи. Пусть напоминает, что Вселенная — большая. И что мы в ней — не одни».

И рисунок Ани. Он лежал на столе, развёрнутый, придавленный углом планшета. Планета с зелёными деревьями. Голубое небо. Облака. Маленькая фигурка человека, стоящего на траве.

«Это для тебя. Чтобы ты помнил, какой она станет».

Михаил смотрел на рисунок и чувствовал, как что-то внутри сжимается. Не боль — боль он уже прожил вчера. Что-то другое. Пустота. Гулкая, звенящая, как пустой ангар внизу.

Он обещал Ане: «Первое сообщение с орбиты планеты будет для тебя».

Лжец.

Он обещал родителям: «Я буду писать. Каждую неделю».

Писать — откуда? Из этой каюты? О чём? «Дорогие мама и папа. Сегодня я снова никуда не полетел. Погода в Республике Солнца — стабильные двадцать два градуса. Скучаю»?

Он обещал прадеду — записи, голосу из прошлого: «Я добьюсь. Через семь дней я улечу. Ничто меня не остановит».

Остановило.

Михаил встал, подошёл к шкафу. Открыл. Внутри — вещи, которые он отложил для экспедиции. Два комплекта термобелья — специального, рассчитанного на условия станции. Набор инструментов для полевой работы с образцами. Персональный медкомплект — стандартный для членов экспедиции. Компактный анализатор почвенных проб.

Всё это должно было лететь с ним. Теперь — бесполезный хлам.

Он закрыл шкаф. Медленно, аккуратно, словно боялся, что вещи внутри рассыплются.

Душ.

Три минуты — стандартная норма. Таймер отсчитывал секунды, и Михаил стоял под тонкими струями воды, закрыв глаза, позволяя себе не думать. Только вода. Только тепло. Только тело — уставшее, измотанное, но живое.

Он вышел, вытерся, оделся. Потянулся к комбинезону биологического сектора — серо-зелёному, с нашивкой Республики Солнца на левом плече. Остановился.

Имеет ли он право его носить?

Он больше не заместитель руководителя группы «Биосфера-1». Группы больше нет — она улетела. Лаборатория... лаборатория ещё здесь. Оборудование осталось. Инкубаторы работают. Но команда — команды нет.

Он надел комбинезон. Потому что другого не было. Потому что привычка. Потому что — что ещё делать?

Лаборатория терраформинга располагалась в научном крыле Республики Солнца — три этажа, которые Михаил знал лучше собственной каюты. Он проработал здесь пять лет — сначала практикантом, потом младшим специалистом, потом... потом тем, кем был до вчерашнего дня.

Дверь открылась по отпечатку ладони. Система безопасности не обновила его статус — или никому не пришло в голову отозвать доступ. Маленькая бюрократическая задержка, которая позволила ему войти туда, где, возможно, ему уже не место.

Внутри было тихо.

Не мертвенно тихо — оборудование работало. Инкубаторы гудели, поддерживая температуру. Аналитические станции мигали индикаторами. Биореакторы — четыре массивных цилиндра у дальней стены — мерно вибрировали, перекачивая питательную среду.

Но людей не было.

Обычно здесь трудились ещё несколько исследователей, но сейчас в помещении было пусто. Те, кто не улетел с экспедицией, ещё не получили новых назначений. Те, кто улетел...

Стол Тамариной. Чистый, пустой, идеально организованный — даже перед отлётом она убрала всё. Двадцать лет она руководила этой лабораторией. Двадцать лет каждое утро садилась за этот стол, надевала очки, которые ей не были нужны, и говорила: «Ну, что у нас сегодня?» На экране — заставка: логотип группы «Биосфера-1». Стилизованная спираль ДНК, обвитая зелёными листьями.

Теперь стол пуст. И кажется — был пуст всегда.

Последний месяц лаборатория была другой — шумной, переполненной. Сюда приходила вся группа «Биосфера-1»: Такеши со своими генетическими последовательностями, Анна Линдгрэн, тихо напевавшая что-то скандинавское, Эмиль, нервно теребивший манжету. Они работали здесь, готовясь к экспедиции. Они заполняли пространство голосами, спорами, смехом.

Теперь тишина вернулась. Та тишина, что была до них. Только глубже.

Михаил подошёл к своему столу. Сел. Стул скрипнул — знакомый звук, единственное, что не изменилось.

Экран ожил, распознав его. Рабочий стол — файлы, проекты, данные. Всё на месте. Штамм-7 — папка с сотнями документов, два года работы. Протоколы экспериментов, результаты анализов, графики роста, генетические карты.

Всё здесь. Всё ждёт.

Он сидел за столом час.

Может, больше. Время потеряло значение. Он листал файлы — не читая, просто листая. Смотрел на графики, которые знал наизусть. На цифры, которые мог воспроизвести по памяти. На результаты, которыми гордился.

Штамм-7. Его детище. UV-устойчивые цианобактерии с генами *Deinococcus radiodurans* и синтетическими промоторами. Организм, способный выживать в условиях, которые убивали бы всё остальное. Организм, который должен был стать первым жителем новой планеты — первым зерном жизни, брошенным в мёртвую почву.

Штамм улетел с экспедицией. Копии образцов — в инкубаторах здесь, в лаборатории. Резервные культуры, страховка на случай непредвиденных обстоятельств.

Михаил встал, подошёл к инкубатору номер два. Положил ладонь на гладкую поверхность. Тепло. Внутри — жизнь. Его создание.

— Привет, — сказал он вслух. Голос прозвучал странно в пустой лаборатории.

Инкубатор гудел в ответ. Ровно, мерно. Без эмоций.

Михаил усмехнулся. Разговаривает с бактериями. Докатился.

Он вернулся к столу, посмотрел на экран. Данные Штамма-7 ждали, мерцая курсором.

«Что дальше?» — спросил он себя.

Работать? Над чем? Экспедиция улетела. Его результаты — с ними. То, что осталось здесь, — копии, резервы. Можно продолжить исследования, улучшить штамм, разработать новые линии. Но ради чего? Следующая экспедиция — через десять лет? Двадцать? Если вообще будет?

Он вспомнил слова Северова: «Каждая экспедиция — урок».

Урок. Четыреста восемьдесят человек — урок.

А он — что? Живой учебник? Резервная копия, которую оставили на полке «на всякий случай»?

Злость вернулась — тихая, ноющая, как застарелая рана. Не та злость, что вчера — яркая, обжигающая. Другая. Глухая. Хроническая.

Дверь лаборатории открылась.

Михаил обернулся, ожидая увидеть уборщика или техника. Увидел — другое.

Женщина лет сорока пяти, в комбинезоне научного отдела. Короткие тёмные волосы, острые черты лица, очки в тонкой оправе. Незнакомая — или знакомая? Он видел её в коридорах, на общих собраниях, но никогда не общался лично.

— Ларин? — спросила она, остановившись у входа.

— Да.

— Доктор Карина Вайс. Временный куратор лаборатории терраформинга. — Она протянула руку. — Меня назначили сегодня утром.

Михаил пожал руку автоматически. «Временный куратор». Значит, лаборатория не закрывается. Значит, работа продолжается.

— Я читала ваше дело, — сказала Вайс, проходя в помещение. Её взгляд скользнул по пустым столам, по работающим инкубаторам. — Впечатляющая карьера. Штамм-7 — выдающаяся работа.

— Спасибо.

— Я также знаю о вашем... исключении из экспедиции. — Она посмотрела на него прямо. — Мне не сообщили причин. Только факт.

— Причин нет, — сказал Михаил. — Или есть. Зависит от того, кого спросить.

Вайс не стала развивать тему.

— Мне нужен старший специалист, — сказала она. Её взгляд задержался на инкубаторе номер два — том самом, где хранился Штамм-7. На секунду, не дольше. Потом вернулся к Михаилу. — Лаборатория продолжает работу. Исследования по терраформингу — долгосрочная программа, не привязанная к одной экспедиции. У нас — резервные образцы, незавершённые проекты, новые задачи.

— Новые задачи?

— Подготовка к следующей волне. Улучшение штаммов. Анализ данных, которые будут поступать от экспедиции. — Она помолчала. — И ваш Штамм-7. Резервные культуры требуют обслуживания.

Михаил смотрел на неё и пытался понять, что чувствует. Благодарность? Раздражение? Облегчение?

Что-то среднее. Что-то невнятное.

— Вы предлагаете мне работу? — спросил он.

— Предлагаю продолжить то, что вы делали. — Вайс пожала плечами. — Если хотите.

«Если хочу».

Хотел ли он?

Вайс ушла, оставив ему планшет с новым расписанием и списком задач. Михаил положил планшет на стол и не стал его открывать.

Вместо этого он сидел и смотрел на экран, на данные Штамма-7. И думал.

Не о работе. Не о Вайс. Не о Северове.

О прадеде.

Голос из записи — хриплый, тёплый, срывающийся — звучал в голове так ясно, будто запись проигрывалась прямо сейчас.

«В тот вечер я сидел в каюте и думал: зачем? Зачем я здесь? Зачем они умерли?»

Прадед тоже хотел сдаться. Хотел лечь и не вставать. Хотел перестать работать, перестать верить, перестать пытаться.

«А потом пришла Маша. И сказала одну фразу: "Они умерли не за каюты. Они умерли за тех, кто будет в них жить"».

Работа — единственный ответ. Единственный способ сказать страху, отчаянию, пустоте: нет. Ты не прав. Я продолжаю.

Прадед продолжил. Вставал каждое утро, шёл на стройплощадку, чинил трубы, латал обшивку. Не ради славы, не ради награды. Ради тех, кто будет после.

Михаил мог сделать то же самое. Встать, пойти, работать. Не ради экспедиции — она улетела. Не ради мечты — она разбилась. Ради... чего?

Ради себя?

Нет. Этого мало.

Ради Штамма-7? Ради бактерий, которые ждали в инкубаторе, не зная, что их создатель сидит рядом, погружённый в жалость к себе?

Может быть.

Ради Ани — десятилетней девочки, которая верила, что он может создать планету с зелёными деревьями?

Да. Может быть — ради неё.

Ради прадеда — человека, который умер за тридцать лет до его рождения, но чей голос пересёк сто двадцать лет пустоты, чтобы сказать: «Я верю в тебя»?

Да.

Михаил выпрямился на стуле. Расправил плечи. Посмотрел на экран — по-другому.

Штамм-7. Данные. Результаты. Незавершённые проекты.

Но не только.

Он открыл другую папку — ту, которую скопировал из памяти коммуникатора несколько дней назад. Файлы Льва Козна. «Протокол Пробуждения».

Сорок семь испытаний. Графики, таблицы, протоколы. Десятикратное ускорение адаптации экстремофилов.

Если это правда — а Михаил верил, что правда, потому что Лев был его другом, потому что данные выглядели убедительно, потому что наука не лжёт — то это меняло всё. Не для экспедиции, которая улетела. Для следующей. Для будущего.

Он мог проверить. Здесь, в этой лаборатории, с этими инкубаторами. У него были резервные культуры Штамма-7. У него было оборудование. У него было время — теперь, когда экспедиция улетела, времени у него было больше, чем у кого-либо на «Авроре».

«Протокол Пробуждения».

Лев просил удалить переписку. Не рассказывать, откуда данные. Михаил обещал. И нарушил обещание — не удалил, не смог. Сентиментальность.

Но данные — остались. И они были... революционными.

Михаил открыл файл, пролистал параметры. UV-прекондиционирование, аминокислотный коктейль, температурный шок. Всё задокументировано. Всё воспроизводимо.

Он мог начать завтра. Нет — сегодня. Прямо сейчас.

Михаил встал и прошёлся по лаборатории. Не бесцельно, как час назад, — с целью. Проверил инкубаторы: Штамм-7 в норме, культуры стабильны. Проверил запасы реактивов — хватает на десятки экспериментов. Проверил оборудование — всё работает.

Вернулся к столу. Открыл новый файл. Начал писать — протокол эксперимента.

«Проект: Проверка метода ускоренной адаптации экстремофилов.

Автор: Ларин М.А.

Дата: [сегодня]

Цель: Воспроизведение результатов, полученных [источник не указан], по десятикратному ускорению адаптации UV-устойчивых цианобактерий к новым условиям среды.

Метод: UV-прекондиционирование + аминокислотный коктейль + контролируемый температурный шок.

Параметры: см. приложение.

Ожидаемый результат: Ускоренный рост и адаптация культур.

Примечание: Все этапы будут задокументированы в соответствии с протоколами Авроры по работе с редкими биологическими образцами».

Он остановился, перечитал написанное.

«Источник не указан».

Лев Коэн. Друг. Человек с «Терры» — материка-корабля, летящего в другую сторону, к другой звезде. Человек, который рисковал всем, отправляя эти данные. Который просил: «Удали. Не рассказывай. Не отвечай».

Михаил не мог указать источник. Не потому что боялся — потому что обещал. Единственное обещание, которое он мог сдержать.

Он сохранил протокол и откинулся на спинку стула.

За окном лаборатории — коридор научного крыла, пустой в этот час. За стенами — «Аврора», летящая сквозь пустоту. За обшивкой — бесконечность.

И где-то в этой бесконечности — шаттл с его друзьями. И другой корабль — «Терра», с Львом Коэном, который через тридцать семь дней тоже отправится к своей планете.

Два корабля, расходящиеся в разные стороны. Две экспедиции. Два мира.

И он — здесь. Между ними. Один.

Нет. Не один.

У него был Штамм-7. У него были данные Льва. У него была лаборатория и время.

И у него было то, что нельзя отнять: знание. Опыт. Упрямство, которое Тамарина называла «полезным безумием».

«Работа — единственный ответ».

Михаил посмотрел на рисунок Ани, который он принёс с собой и поставил на стол, приклонив к монитору. Планета с зелёными деревьями.

— Я не улетел, — сказал он рисунку. Тихо, как признание. — Но я не закончил.

Он повернулся к экрану.

Открыл файл «Протокола Пробуждения». Развернул параметры. Начал составлять пошаговый план эксперимента — тщательно, по каждому пункту, как учила Тамарина.

UV-облучение: 254 нм, 15 минут, интенсивность 3,2 мВт/см². Аминокислотный коктейль: L-пролин 0,5%, L-треонин 0,3%, глицин 0,8%. Температурный шок: +45°C на 20 минут, затем -10°C на 10 минут. Инкубация: 72 часа.

Каждый параметр — записан. Каждый шаг — задокументирован. Всё по протоколам «Авроры».

Михаил работал, и пустота внутри медленно заполнялась чем-то другим. Не радостью — до радости было далеко. Не надеждой — надежда ещё спала, зализывая раны. Чем-то более простым, более базовым.

Целью.

Маленькой, конкретной, достижимой целью. Не «создать новый мир». Не «полететь к звёздам». Просто — проверить данные. Воспроизвести результат. Увидеть, работает ли протокол.

Этого достаточно. На сегодня — достаточно.

Вечером он всё ещё был в лаборатории.

Протокол написан. План составлен. Реактивы подготовлены. Завтра утром — начало эксперимента.

Михаил сидел за столом, глядя на экран, и впервые за сутки чувствовал что-то, кроме пустоты.

Коммуникатор на столе мигнул. Новое сообщение.

Он посмотрел — и замер.

«От: Кирилл Вершинин.

Тема: Привет из темноты.

Задержка доставки: 4 часа 17 минут».

Четыре часа. Шаттл уже далеко. Достаточно далеко, чтобы сигнал шёл четыре часа.

Михаил открыл сообщение.

«Михаил.

Не знаю, прочитаешь ли ты это. Не знаю, хочешь ли ты слышать от меня что-то сейчас.

Мы на борту. Разгон идёт штатно. За иллюминатором — звёзды. Те же звёзды, которые ты видишь из окна лаборатории. Только здесь они не мерцают.

Я искал тебя перед посадкой. Не нашёл. Догадываюсь, что ты не хотел, чтобы нашёл.

Ладно. Принимаю.

Но вот что я хочу сказать:

Ты — лучший из нас. Я знаю, ты не согласишься. Я знаю, ты сейчас думаешь, что всё кончено. Что мечта разбилась. Что смысл потерян.

Но ты ошибаешься.

Ты — Михаил Ларин. Создатель Штамма-7. Человек, который спас образцы в «Колыбели». Человек, который встал на собрании и говорил, когда все молчали. Человек, который разговаривает с бактериями, когда думает, что его никто не слышит (да, я видел).

Ты найдёшь свой путь. Не тот, что планировал — другой. Может быть, лучший.

А пока — работай. Ты это умеешь лучше всех.

Кирилл.

P.S. Здесь ужасный кофе. Хуже, чем в автомате на «Колыбели». Я не думал, что это возможно, но вот — возможно.

P.P.S. Не злись на капитана. У него свои причины. Я не знаю какие — но чувствую, что они есть».

Михаил читал письмо четырежды.

Потом закрыл глаза. И почувствовал, как что-то тёплое проходит сквозь холодную пустоту внутри. Не растапливает — просто проходит. Как луч света через тёмную комнату.

Он не ответил. Пока — не мог. Но сохранил письмо. И поставил метку: «Важное».

Потом посмотрел на рисунок Ани. На данные Штамма-7. На файлы «Протокола Пробуждения».

— Ладно, — сказал он. Вслух. Пустой лаборатории, инкубаторам, бактериям, которые не слышали. — Ладно. Работаем.

Он выключил экран. Встал. Убрал рисунок Ани в карман — туда, где носил самое важное. Вышел из лаборатории.

Коридор научного крыла был тих. За окнами — имитация сумерек. Скоро ночь. Скоро — сон.

А утром — эксперимент. Первый шаг. Маленький, конкретный, достижимый.

Михаил шёл к каюте и думал: может, Северов прав. А может, постфактум действительно можно объяснить что угодно. Может, красивые слова — всего лишь красивые слова.

Но прадед тоже вставал каждое утро. Без красивых слов. Без объяснений. Просто — вставал и шёл работать.

Может, этого достаточно.
На сегодня — достаточно.

Глава 3. Девочка и звёзды

Два дня прошли как один — длинный, серый, наполненный работой и тишиной.

Михаил приходил в лабораторию к семи утра, уходил за полночь. Между этими точками — данные, протоколы.

«Протокол Пробуждения» лежал на экране, ожидая своего часа. Для его реализации не хватало реактивов и... смысла.

Не научного — с наукой всё было ясно. Проверить данные, воспроизвести результат, подтвердить или опровергнуть. Стандартная процедура. Но внутренний смысл — тот, что заставляет вставать по утрам и идти в лабораторию не потому, что надо, а потому, что хочется, — этот смысл ещё не вернулся. Бродил где-то рядом, как потерявшийся зверь, но не давался в руки.

На третий день после отлёта экспедиции, ближе к полудню, дверь лаборатории открылась.

Михаил поднял голову, ожидая Вайс или кого-то из технического персонала.

В дверях стояла Аня.

Одиннадцать лет — недавно исполнилось, он помнил. Косички, карие глаза, рюкзак за спиной. Школьная форма — серо-голубой комбинезон с нашивкой образовательного сектора. На лице — выражение решительности, которое бывает у детей, когда они приняли решение и не собираются от него отступить.

— Привет, — сказала она.

— Привет. — Михаил сел прямее. — Ты как сюда попала?

— Через главный вход. Сказала, что я к Ларину. Они проверили мой пропуск и пропустили.

— У тебя теперь есть свой пропуск в научное крыло?

— Мама оформила. Ещё когда ты готовился к экспедиции. — Аня пожала плечами. — Я тогда приходила попрощаться по её пропуску, помнишь? Служба безопасности это заметила. Маму вызвали и запретили давать мне свой пропуск, но разрешили оформить мой именной.

Михаил помнил приход Ани. Рисунок — планета с зелёными деревьями. Он лежал сейчас на столе, прислонённый к монитору.

Аня увидела его. Подошла, посмотрела.

— Ты его сохранил, — сказала она улыбаясь.

— Конечно.

— А ты... — она замялась. — Ты не улетел.

Тишина.

— Нет, — ответил Михаил. — Не улетел.

— Почему?

Он знал, что этот вопрос придёт. Думал о нём два дня — как объяснить одиннадцатилетнему ребёнку, что его мечта разбилась? Что капитан, которому он верил, вычеркнул его из списка? Что мир, в котором она живёт, не так справедлив, как ей говорят на уроках?

— Так получилось, — сказал он.

Аня посмотрела на него тем взглядом, которым дети смотрят на взрослых, когда те врут. Прямым, ясным, безжалостно честным.

— Это не ответ, — сказала она.

— Знаю. — Михаил чуть улыбнулся. — Но это всё, что у меня есть. Пока.

Аня помолчала. Потом села на стул напротив — тот, где обычно сидела Тамарина. Стул был слишком большой для неё, ноги не доставали до пола.

— Мама говорит, что тебя не взяли, — сказала она. — Что капитан так решил. И что это несправедливо по отношению к тебе.

— Твоя мама мудрая женщина.

— Она работает в гидропонном. В комплексе «Урожай-3». Она говорит, что жизнь — как растения: иногда нужно обрезать ветку, чтобы дерево стало сильнее.

Михаил промолчал. Метафора была слишком точной.

— Значит, ты будешь учить меня дальше? — спросила Аня. И в её голосе — надежда. Простая, детская, незамутнённая.

— Учить? — Михаил нахмурился. — Чему?

— Всему. — Аня обвела рукой лабораторию. — Вот этому. Бактериям. Планетам. Звёздам. Ты же никуда не улетишь. Значит, можешь учить.

Михаил смотрел на неё — на десятилетнюю... нет, одиннадцатилетнюю девочку, которая сидела в кресле руководителя группы «Биосфера-1» и предлагала ему новый смысл существования.

Дети. Они не знают, что делают. Не знают, что их слова могут спасти жизнь.

— Ладно, — сказал он. — Давай начнём.

Они сидели в углу лаборатории — Михаил притащил второй стул, и теперь они расположились у окна, за которым световые панели имитировали послеполуденное солнце.

— А куда полетела экспедиция? — спросила Аня.

— Далеко, — ответил Михаил.

— Это я знаю. Но как далеко? В километрах? В часах?

Михаил задумался. Как объяснить космические расстояния ребёнку?

— Ты знаешь, что такое скорость света? — спросил он.

— Свет — самое быстрое, что есть. — Аня кивнула уверенно. — Нам рассказывали на уроках.

— Правильно. Свет летит со скоростью около трёхсот тысяч километров в секунду. Это очень, очень быстро. Если бы ты могла лететь со скоростью света, ты бы облетела всю «Аврору» семь раз за одну секунду.

— Ого.

— Но даже с такой скоростью... — Михаил сделал паузу. — До ближайшей звезды — четыре года полёта. Со скоростью света. Четыре года.

Аня нахмурилась, переваривая.

— Но мы не летим со скоростью света, — сказала она.

— Нет. «Аврора» летит на пяти процентах скорости света. В двадцать раз медленнее. Это всё равно невероятно быстро — пятнадцать тысяч километров в секунду. Но до ближайшей звезды нам бы понадобилось... — он посчитал в уме, — около восьмидесяти пяти лет.

— А мы летим уже сто двадцать три, — подхватила Аня.

— Да. И пролетели примерно шесть световых лет. Это... — он искал аналогию. — Ага. Солнечную систему ты в школе уже обязательно проходила, изучая историю Земли, а значит названия и расположение планет помнишь. Представь, что Солнце — это яблоко. Обычное яблоко, лежит на столе.

— Ладно. — Аня подобрала ноги на стуле, устраиваясь удобнее.

— Земля — тогда песчинка. Крошечная, почти невидимая. И эта песчинка находится в десяти метрах от яблока.

— Десять метров — это от стены до стены, — Аня показала рукой.

— Примерно. А Юпитер — самая большая планета в Солнечной системе — это вишня в пятидесяти метрах. В конце коридора.

— А ближайшая звезда?

— Другое яблоко. Такое же, как Солнце. Только оно лежит... — Михаил помолчал для эффекта, — в соседнем городе. В двух с половиной тысячах километров от первого.

Аня уставилась на него.

— Яблоко на столе — и яблоко в другом городе?

— Да. И между ними — ничего. Пустота. Несколько пылинок, случайные атомы. Но в основном — ничего.

— Совсем ничего?

— Почти. Космос — это пустота, Аня. Огромная, невообразимая пустота. Если бы ты могла уменьшить все атомы в Солнечной системе и равномерно распределить их по пространству до ближайшей звезды, плотность была бы... — он подбирал сравнение, — один атом на комнату. Вот такую. — Он обвёл рукой лабораторию.

— Один атом?

— Один. В каждой комнате. На всём пути.

Аня молчала. Смотрела в окно — на световые панели, имитирующие небо. На стены тора, которые изгибались вверх, теряясь в «облаках». На мир, который был её домом.

— Мы совсем одни? — спросила она тихо.

Вопрос был простым. Ответ — нет.

— Мы не знаем, — сказал Михаил. — Может быть, где-то есть другие. Другая жизнь, другие цивилизации. А может — нет. Может, во всей этой огромной пустоте только мы. Пять кораблей, летящих в темноте.

— Это страшно.

— Немного. — Он кивнул. — Но знаешь, что ещё? Это красиво. Посмотри на звёзды ночью. Каждая — солнце. У каждой могут быть планеты. Вокруг каждой — возможность жизни. Мы просто не знаем наверняка.

— Пока не знаем, — поправила Аня.

Михаил посмотрел на неё. «Пока». Маленькое слово, в котором — вся суть. Пока — не знаем. Пока — летим. Пока — ищем.

— Пока не знаем, — согласился он.

— А можно мне посмотреть на бактерии? — спросила Аня, когда разговор о звёздах подошёл к концу.

Михаил колебался. Лаборатория — не место для ребёнка. Строгие правила, стерильность, дорогое оборудование. Тамарина никогда бы не разрешила.

Но Тамариной здесь нет. А Ане — одиннадцать, и она смотрит на инкубаторы с тем же выражением, с каким семь лет назад Михаил смотрел на голограмму далёкой планеты.

— Ладно, — сказал он. — Но правила.

— Какие?

— Первое: не трогай ничего без разрешения. Второе: руки мыть. Третье: если я говорю «стоп» — останавливайся. Без вопросов.

— Как в космосе, — сказала Аня серьёзно.

— Что?

— Ну, там же тоже правила? Не снимай шлем, не трогай кнопки, слушай командира?

Михаил подавил усмешку.

— Примерно так. Только здесь — бактерии вместо вакуума.

— Ладно. — Аня встала, расправила плечи. — Готова.

Он провёл её по лаборатории — медленно, останавливаясь у каждого прибора.

— Это — аналитическая станция. Здесь мы изучаем состав образцов. Что в них есть, чего не хватает, как они меняются со временем.

Аня смотрела на экран с графиками. Цветные линии, цифры, символы.

— Похоже на рисунки, — сказала она.

— В каком-то смысле — да. Каждая линия — это история. Как организм рос, что ел, как себя чувствовал.

— Как дневник?

— Как дневник. Только пишет его не человек, а машина.

Они прошли дальше — к биореакторам. Четыре цилиндра у дальней стены, каждый высотой в полтора метра. Мерное гудение, тепло, запах — слабый, но различимый. Что-то органическое, живое.

— Что внутри? — Аня прижала ладонь к тёплой поверхности.

— Питательная среда. Жидкость, в которой живут микроорганизмы. Мы создаём для них идеальные условия — температура, кислотность, свет — и они растут. Делятся. Размножаются.

— Как растения в гидропонном?

— Похоже. Только гораздо меньше. Бактерия — это одна клетка. Ты не увидишь её глазами. Нужен микроскоп.

— У вас есть микроскоп?

— Конечно.

Аня повернулась к нему, и в её глазах было то выражение, которое Михаил знал слишком хорошо. Знал — потому что видел его в зеркале каждый день с четырнадцати лет.

Жажда.

— Покажешь? — спросила она.

Он настроил микроскоп — старый, учебный, стоявший в углу лаборатории. Тамарина использовала его для демонстраций студентам. Теперь он пригодился снова.

Капля культуры из инкубатора — на предметное стекло. Покровное стекло сверху. Под объектив. Настройка фокуса.

— Смотри, — сказал Михаил, отступая.

Аня прижалась к окуляру. Несколько секунд молчала.

— Ой, — выдохнула она.

— Что видишь?

— Они... двигаются. — Её голос был тихим, благоговейным. — Маленькие такие... палочки. Зелёные. Они шевелятся!

— Это цианобактерии. Мои цианобактерии. Штамм-7.

— Они живые?

— Живые. Каждая — отдельный организм. Она ест, дышит, делится на две. Потом каждая из двух — ещё на две. И так — бесконечно.

— Сколько их здесь?

— В этой капле? Несколько миллионов.

— Миллионов?! — Аня оторвалась от микроскопа, уставилась на него. — В одной капле?!

— В одной капле. А в инкубаторе — миллиарды. Может, триллионы.

Аня снова приникла к окуляру. Михаил стоял рядом и смотрел на неё — на сосредоточенное лицо, на косички, свесившиеся по обе стороны микроскопа, на пальцы, осторожно лежащие на краю стола.

Он вспомнил свой первый раз. Шестнадцать лет, лаборатория Тамариной. Тот же микроскоп. Та же капля. То же потрясение.

«Они живые».

Пять лет назад он не понимал, почему Тамарина улыбалась, глядя на его реакцию. Теперь — понимал.

— А что они делают? — спросила Аня, не отрываясь от окуляра. — Ну, в смысле — зачем они?

— Они делают кислород.

— Кислород? Как растения?

— Именно как растения. Только эти — самые первые. Самые простые. Бактерии, похожие на них, когда-то давно — миллиарды лет назад — начали делать кислород на Земле. До них кислорода в атмосфере не было. Совсем. Земля была мёртвой.

— И они её оживили?

— Они начали процесс. Потом появились водоросли, потом растения, потом животные. Но первый шаг — всегда бактерии.

Аня подняла голову. Посмотрела на инкубатор, потом — на Михаила.

— И ты хочешь сделать то же самое? На новой планете?

— Хотел, — поправил Михаил. И удивился: слово не причинило боли. Не такой, как раньше.

— А теперь?

— Теперь... — он замялся. — Теперь я работаю над тем, чтобы они стали ещё лучше. Сильнее. Устойчивее. Чтобы, когда придёт время, — они были готовы.

— Когда придёт время, — повторила Аня.

Тишина.

— Можно мне попробовать? — спросила она.

Михаил думал целую минуту.

С одной стороны — это лаборатория. Не детская площадка. Культуры Штамма-7 — результат двух лет работы, уникальный биологический материал, имеющий стратегическое значение для программы терраформинга. Дать ребёнку «попробовать» — это как дать ребёнку порулить кораблём.

С другой стороны — Аня сидела перед ним с тем самым выражением лица. Жажда. Готовность. Серьёзность, которой позавидовали бы взрослые.

И ещё одна мысль — неоформленная, но настойчивая: он один. Вайс — куратор, но она не биоинженер. Его коллеги улетели. Если с ним что-то случится — кто будет знать, как обращаться с культурами?

Кто-то должен уметь.

— Ладно, — сказал он. — Но по-настоящему. Не игра. Работа.

Аня выпрямилась.

— Я готова.

— Тогда слушай. — Он взял с полки пустой контейнер — маленький, прозрачный, с герметичной крышкой. — Бактерии — живые существа. Они хрупкие. Им нужны определённые условия, чтобы выжить. Температура — от двадцати до тридцати градусов. Если холоднее — они замедляются. Если жарче — умирают.

— Как люди.

— Похоже. Дальше. Питательная среда — жидкость, в которой они живут. Это их еда, вода и дом одновременно. Среду нужно менять раз в три дня. Старую — слить, новую — залить. Осторожно, стерильно.

— Стерильно — это чтобы ничего чужого не попало?

— Именно. Бактерии — как дети. Они беззащитны перед чужими микробами. Если в контейнер попадёт что-то извне — чужие бактерии, грибки, пыль — они могут погибнуть.

Аня слушала, впитывая каждое слово. Михаил видел, как она мысленно повторяет: температура, среда, стерильность.

— И самое важное, — продолжал он. — Записывай всё. Каждый день. Когда проверила. Какая температура. Когда поменяла среду. Как выглядят. Это — научный метод. Без записей — нет науки.

— У меня есть тетрадка, — сказала Аня. — Настоящая, бумажная. Мама подарила.

— Бумажная? — Михаил удивился. Бумага на «Авроре» — редкость и роскошь.

— Мама говорит, что некоторые вещи нужно записывать руками. Чтобы запомнить лучше.

Михаил подумал о бумажной книге деда — «Основы экологии». О записи прадеда — голос, пересёкший сто двадцать лет. О связи поколений, которая передаётся не через провода и экраны, а через что-то более простое. Более человеческое.

— Твоя мама права, — сказал он.

Он показал ей процедуру. Медленно, пошагово, как Тамарина когда-то показывала ему.

Сначала — мытьё рук. Не просто ополоснуть — тщательно, с антисептиком, каждый палец, каждый ноготь, каждую складку кожи.

— Сколько мыть? — спросила Аня.

— Тридцать секунд минимум. Считаю про себя.

— А если не домыть?

— На твоих руках — миллионы бактерий. Твоих, человеческих. Они безопасны для тебя, но смертельны для цианобактерий. Одно прикосновение — и всё, что внутри контейнера, может погибнуть.

Аня мыла руки с такой серьёзностью, словно от этого зависела судьба мира.

В каком-то смысле — зависела.

Потом — работа с контейнером. Открыть крышку. Осмотреть содержимое — цвет, прозрачность, запах. Проверить температуру. Записать.

— Здоровая культура — зеленоватая, — объяснял Михаил. — Слегка мутная. Запах — слабый, но есть. Если цвет меняется на жёлтый или коричневый — что-то не так. Если запах резкий — тоже.

— А если всё серое?

— Серое — плохо. Серое значит мёртвые.

Аня кивнула, запоминая. Зелёное — хорошо. Серое — плохо.

Потом — замена среды. Михаил достал из шкафа бутылку с питательным раствором — стерильным, приготовленным по стандартному рецепту.

— Слить старую среду. Вот сюда, в контейнер для отходов. Осторожно, не расплескать. Потом — налить новую. До этой отметки. Видишь?

— Вижу.

— Закрыть крышку. Проверить герметичность. Поставить на место.

Аня выполнила каждый шаг — медленно, аккуратно. Руки немного дрожали — от волнения, не от страха. Михаил стоял рядом, готовый подхватить, если что-то пойдёт не так.

Ничего не пошло не так.

— Отлично, — сказал он, когда контейнер был закрыт и стоял на своём месте. — Теперь — запиши.

Аня достала из рюкзака тетрадку — небольшую, в твёрдой обложке, с чистыми разноцветными страницами. Открыла на первой странице. Написала — крупным, старательным почерком:

«День 1. Бактерии зелёные. Температура 24 градуса. Среда меняла почти сама (Михаил помогал). Запах нормальный. Всё хорошо».

Михаил смотрел на эту запись и чувствовал что-то, чему не мог подобрать слова. Не радость — до радости ещё далеко. Не гордость — слишком рано. Что-то более тихое, более глубокое. Что-то похожее на то, что он чувствовал, слушая запись прадеда.

Связь.

Цепочка, которая не прервалась.

Он учил Аню тому, чему его научила Тамарина. Тамарину учил кто-то до неё. Того — кто-то до него. И так — до самого начала, до Земли, до первых учёных, которые заглянули в микроскоп и увидели крошечные существа, живущие в капле воды.

Знание, передаваемое из рук в руки. Из поколения в поколение. Через время, расстояния.

— Михаил? — голос Ани вернул его.

— Да?

— А можно мне... — она замялась. — Можно мне взять немного домой? Совсем чуть-чуть. Я буду ухаживать. Записывать. Как ты сказал.

Михаил посмотрел на неё. На тетрадку с одной записью. На контейнер в инкубаторе. На лабораторию, где он остался один.

Он думал о рисках. О правилах. О том, что Тамарина бы сказала.

«Мечта не делает работу за тебя», — сказала бы Тамарина.

Но Тамарина улетела. А Аня — здесь. И в её глазах — та самая жажда.

— Не сегодня, — сказал он. — Сначала — научись. Приходи каждый день после школы. Неделю. Покажи мне, что умеешь. Что записываешь. Что понимаешь. А потом...

— Потом дашь?

— Потом — посмотрим.

Аня улыбнулась. Широко, ярко, как умеют только дети.

— Договорились, — сказала она.

Она ушла через час — нужно было на вечернюю смену в школе.

Михаил стоял у окна лаборатории, глядя ей вслед. Маленькая фигурка с рюкзаком, быстро идущая по коридору. Косички подпрыгивали в такт шагам.

Одиннадцать лет.

В четырнадцать он увидел голограмму планеты и решил лететь к звёздам. Может, Аня решит раньше. Может, позже. Может — никогда. Но семя посажено. Сегодня, в этой лаборатории.

«Кто-то должен посадить деревья».

Фраза, которую он сказал Ане в первой их встрече, когда объяснял суть терраформинга. Сейчас она звучала иначе. Не про бактерии и планеты. Про людей.

Кто-то должен учить. Кто-то должен показывать. Кто-то должен стоять рядом, пока ребёнок впервые смотрит в микроскоп и видит — жизнь.

Михаил вернулся к столу. Посмотрел на экран — файлы «Протокола Пробуждения». Посмотрел на инкубатор со Штаммом-7. Посмотрел на рисунок Ани.

Три вещи. Три направления. Три нити, из которых плетётся будущее.

Наука. Жизнь. Надежда.

Он открыл дневник.

«День третий после отлёта.

Аня пришла в лабораторию. Я показал ей бактерии. Она смотрела в микроскоп и сказала: «Они живые!» — точно так, как я сказал пять лет назад.

Объяснил ей расстояния в космосе. Яблоко на столе — яблоко в другом городе. Она спросила: «Мы совсем одни?» Я ответил: пока не знаем.

Она хочет взять образцы домой. Ухаживать. Я сказал — через неделю. Пусть сначала научится.

Странное чувство. Я потерял мечту — но, может, посадил другую. Не свою. Её.

Кирилл написал: «Ты — лучший из нас. Работай». Он прав. Работа — единственный ответ.

Завтра — начинаю подготовку к эксперименту. Послезавтра, может, — выход на обшивку. Биомодуль требует проверки.

Рисунок Ани по-прежнему стоит на столе. Планета с зелёными деревьями. Может, я не увижу, как она станет реальностью. Но я могу сделать так, чтобы кто-то увидел.

Кто-то должен посадить деревья».

Он сохранил запись и выключил экран.

За окном лаборатории — коридор научного крыла. За стенами — «Аврора», летящая сквозь пустоту. За обшивкой — бесконечность.

И где-то в этой бесконечности — шаттл с его друзьями. И планета, ждущая жизни. И звёзды — далёкие, равнодушные яблоки в далёких городах.

Но здесь, в этой лаборатории, — инкубатор с живыми бактериями. Тетрадка с первой записью. И девочка с косичками, которая сегодня впервые увидела жизнь под микроскопом.

Этого было достаточно.

На сегодня — достаточно.

Глава 4. За бортом

Сообщение пришло на четвёртый день — сухое, административное, без эмоций.

«Ларину М.А. Назначение: внешний осмотр биологического модуля ВМ-7, секция 14-С, внешняя обшивка первого тора. Дата: завтра, 06:00. Явиться в шлюзовой отсек Е-3. При себе иметь: удостоверение, медицинский допуск, инструменты согласно списку (прилагается). Примечание: выход в открытый космос, категория сложности В. Подпись: Вайс К.А., куратор лаборатории терраформинга».

Михаил прочитал дважды. Внешний осмотр биомодуля. Рутинная процедура — каждые три месяца кто-то из биоинженеров выходил на обшивку, чтобы проверить герметичность, показания датчиков, состояние внешних культур. Раньше этим занималась Ольга Петренко или один из техников.

Теперь Ольга летела к далёкой планете. А техники были заняты другими задачами.

Оставался он.

Михаил никогда не выходил в открытый космос.

Он знал теорию — курс подготовки входил в стандартную программу для всех научных сотрудников. Знал, как работает скафандр, как пользоваться страховочной системой, как двигаться в невесомости. Но теория и практика — две разные вещи. Особенно когда между тобой и вечной пустотой — только несколько сантиметров ткани и пластика.

Вечером он пошёл в шлюзовой отсек Е-3 — посмотреть заранее. Убедиться, что знает дорогу. Проверить, что всё реально, а не чья-то ошибка в расписании.

Шлюзовой отсек располагался в техническом секторе первого тора — на внутренних, технических уровнях ближе к оси вращения, где гравитация составляла около трети нормальной. Михаил чувствовал, как тело становится легче с каждым уровнем, пока лифт уносил его вверх. Не невесомость — но близко.

Отсек выглядел как... отсек. Металлические стены, трубы, индикаторы. Ряд шкафчиков со скафандрами. Два шлюзовых люка — массивных, круглых, с герметичными замками. Экран на стене: «СТАТУС: ГЕРМЕТИЧНО. ВНЕШНЯЯ СРЕДА: ВАКУУМ. ТЕМПЕРАТУРА: -267°C».

Минус двести шестьдесят семь.

Михаил стоял перед шлюзом и смотрел на эту цифру. Она была абстрактной — как все цифры в учебниках. Минус двести шестьдесят семь градусов. Почти абсолютный ноль. Температура, при которой атомы почти перестают двигаться. Температура смерти — мгновенной, безусловной, окончательной.

И завтра он выйдет туда.

— Первый раз? — голос за спиной.

Михаил обернулся. У шкафчиков стоял мужчина — лет сорока, коренастый, с руками, покрытыми мозолями. Комбинезон технической службы, нашивка: «ВНЕШНИЕ РАБОТЫ».

— Да, — ответил Михаил. — Первый.

— Заметно. — Мужчина улыбнулся. — Ты смотришь на шлюз, как на дверь в ад.

— А это не дверь в ад?

— Нет. — Мужчина подошёл, протянул руку. — Борис. Старший техник внешних работ. Завтра я буду твоим напарником.

Михаил пожал руку. Ладонь Бориса была жёсткой, как металл.

— Михаил Ларин. Биоинженер.

— Знаю, кто ты. — Борис кивнул. — Тот самый Ларин, которого не взяли в экспедицию.

Михаил напрягся, ожидая сочувствия или — хуже — насмешки. Не дождался.

— Бывает, — сказал Борис. — Я вот тоже подавал заявку. Дважды. Оба раза — отказ. Знаешь, что мне сказали? «Вы слишком ценны здесь».

— Знакомые слова.

— Знакомые. — Борис усмехнулся. — Ладно, пойдём. Покажу тебе скафандр. Чтобы завтра не тратить время на удивление.

Скафандр висел в шкафчике — белый, массивный, похожий на пустого человека без головы. Шлем лежал отдельно, на верхней полке.

— Три слоя, — объяснял Борис, снимая скафандр с крючка. — Внешний — микрометеоритная защита и терморегуляция. Средний — структурная прочность и изоляция. Внутренний — герметичность и комфорт. Между слоями — трубки с водой для охлаждения и обогрева.

Он развернул скафандр, показывая внутреннюю поверхность. Паутина тонких трубок, датчиков, проводов.

— На спине — ранец. Система жизнеобеспечения: кислород на восемь часов, поглотитель углекислого газа, аварийный запас — ещё на два часа. Итого десять часов максимум. Но мы выходим на три. Запас — обязателен.

— А если что-то порвётся?

— Не порвётся. — Борис похлопал по внешнему слою. — Это не ткань. Это композитный материал — кевлар, керамические пластины, углеродные волокна. Микрометеорит размером с песчинку — отскочит. Крупнее — пробьёт внешний слой, но средний задержит.

— А если не задержит?

Борис посмотрел на него.

— Тогда у тебя будет от десяти до тридцати секунд, чтобы добраться до шлюза. В зависимости от размера пробоины.

— Десять секунд.

— Декомпрессия — быстрая штука. Воздух выходит, давление падает, кровь начинает кипеть. — Борис говорил об этом спокойно, как о прогнозе погоды. — Но в скафандре есть аварийная система герметизации. Если пробоина маленькая — система заклеит её автоматически. Если большая... — он пожал плечами.

— Понятно.

— Не бойся. За двадцать лет работы у нас было два инцидента с пробоинами. Оба — мелкие, оба — заклеены автоматикой. Никто не пострадал.

— А за сто двадцать три года?

Борис помолчал.

— Девять погибших, — сказал он тихо. — При внешних работах. Разные причины. Но это — за всю историю Арка. Из тысяч выходов.

Девять человек. За сто двадцать три года. Не так много — статистически. Но каждый из девяти был живым человеком, с именем, семьёй, мечтами.

— Ладно, — сказал Михаил. — Показывай дальше.

Борис показал всё: как надевать скафандр, как проверять герметичность, как подключать системы жизнеобеспечения. Как двигаться в невесомости — плавно, без рывков, используя инерцию. Как работать страховочной системой — два троса, всегда закреплённых, всегда натянутых.

— Золотое правило, — сказал он. — Никогда не отцепляй оба троса одновременно. Никогда. Даже если тебе кажется, что ты крепко держишься за поручень. Даже если тебе кажется, что невесомость — это весело. Один трос отцепил — второй уже прикрепил. Потом — первый. Понял?

— Понял.

— Повтори.

— Никогда не отцепляй оба троса одновременно. Один отцепил — второй прикрепил.

— Хорошо. — Борис кивнул. — Запомни это. Оно может спасти тебе жизнь.

Михаил запоминал. Впитывал. Как впитывал когда-то знания о бактериях, о генетике, о терраформинге. Новый мир — не метафорически. Буквально — мир за стенкой, мир без воздуха, без тепла, без прощения.

Завтра он туда выйдет.

Шлюзование заняло двенадцать минут.

Михаил стоял в скафандре — тяжёлом, неуклюжем, ограничивающем обзор шлемом и движения перчатками — и чувствовал каждую секунду этих двенадцати минут. Насосы выкачивали воздух из камеры. Давление падало — плавно, контролируемо, но он ощущал это ушами, носом, всем телом. Как будто мир сжимался.

Борис стоял рядом — спокойный, привычный, проверяющий показания на запястном дисплее.

— Давление — ноль целых три десятых, — сообщил он по внутренней связи. Голос в наушниках звучал близко и одновременно далеко — как из другой комнаты. — Ещё минута.

Михаил кивнул. Потом вспомнил, что в скафандре кивок не виден.

— Понял, — сказал он.

— Волнуешься?

— Нет.

Абсолютная ложь. Борис, наверное, знал. Но не стал комментировать.

Давление упало до нуля. Индикатор на стене мигнул зелёным.

— Вакуум, — сказал Борис. — Открываю внешний люк.

Люк начал отходить — медленно, сантиметр за сантиметром. В щели появилась полоска... чего? Темноты? Нет — не просто темноты. Чего-то другого. Чего-то, для чего у Михаила не было слов.

Люк открылся полностью.

И Михаил увидел.

Первое, что он заметил, — тишина.

Не тишина лаборатории поздним вечером. Не тишина коридоров ночного Арка. Абсолютная тишина — отсутствие звука как категории. В вакууме нечему вибрировать. Нечему передавать колебания. Звук просто не существовал.

Остались только два источника: его собственное дыхание — громкое, хриплое, заполняющее шлем — и тихий шелест систем жизнеобеспечения за спиной. Ранец гудел, подавая кислород, отводя углекислый газ, поддерживая температуру. Маленькая машина жизни, связанная к его спине.

Второе — звёзды.

Они не мерцали. На «Авроре», сквозь иллюминаторы, звёзды всегда подрагивали — атмосфера внутри тора, как бы тонка она ни была, искажала свет. Здесь, снаружи, между ним и звёздами не было ничего. Совсем ничего. И они горели ровно, неподвижно, как точки, вбитые гвоздями в чёрный бархат.

Тысячи. Десятки тысяч. Больше, чем он когда-либо видел изнутри. Млечный Путь — не размытая полоска, а река из света, текущая через всё небо. Если «небо» — подходящее слово для того, что окружало его со всех сторон.

Нет верха. Нет низа. Нет горизонта. Только — бесконечность.

— Ларин? — голос Бориса в наушниках. — Ты в порядке?

Михаил понял, что не дышит. Заставил себя вдохнуть.

— Да, — прохрипел он. — Просто...

— Знаю, — сказал Борис. И в его голосе — понимание. Понимание человека, который двадцать лет назад стоял на том же месте и чувствовал то же самое. — Все так. В первый раз. Дай себе минуту.

Михаил дал себе минуту.

Он стоял на пороге шлюза — ноги ещё внутри, руки на поручнях — и смотрел. Просто смотрел. Впитывал.

Космос был не таким, как на голограммах. Не таким, как на экранах. Не таким, как в воображении. Он был — больше. Не физически (хотя и физически тоже), а как-то иначе. Как будто всё, что Михаил знал о размерах, расстояниях, масштабах — было правдой, но правдой, которую он понимал головой, а не телом.

Теперь тело поняло.

Он — песчинка. Нет, меньше. Атом. Нет — даже не атом. Просто — точка, на мгновение появившаяся в бесконечности. И бесконечность эту точку не заметила.

— Готов? — спросил Борис.

Михаил сглотнул.

— Готов.

Первый шаг наружу был самым трудным.

Не физически — скафандр двигался легко, невесомость помогала. Психологически. Отпустить поручень шлюза, оттолкнуться и поплыть туда, где нет ничего, — это требовало усилия, которое Михаил не ожидал. Мозг кричал: «Стой! Там смерть!» Тело подчинялось мозгу, не ногам.

Борис не торопил. Просто ждал — уже снаружи, уже в невесомости, привязанный двумя тросами к направляющей на обшивке.

Михаил закрепил первый трос. Потом — второй. Проверил натяжение. И шагнул.

Невесомость подхватила его — мягко, как вода, только без сопротивления. Он поплыл вдоль обшивки, перебирая руками по направляющей. Движения были неуклюжими — перчатки скафандра не предназначены для тонкой работы, каждый захват требовал усилия.

— Не торопись, — сказал Борис. — Здесь спешить некуда. И некому.

Михаил замедлился. И впервые — по-настоящему посмотрел на «Аврору» снаружи.

Она была огромной.

Он знал это — сорок пять километров, четыре тора, два миллиона человек. Цифры, которые он повторял всю жизнь. Но цифры — это теория. Реальность — другое.

Первый тор — тот, на обшивке которого он сейчас находился — уходил вправо и влево, изгибаясь, как кольцо бога. Восемь километров в диаметре, полтора километра толщины «трубы». Поверхность — не гладкая, как казалось изнутри. Покрытая выступами, антеннами, панелями, люками. Живая поверхность — как кожа огромного существа, покрытая порами и наростами.

Он видел стыки между секциями — сварные швы шириной в ладонь, тянущиеся на сотни метров. Видел заплатки — следы ремонтов за сто двадцать три года. Старые, потемневшие, и новые, блестящие. Каждая заплатка — история. Каждый шов — работа чьих-то рук.

Рук прадеда?

Мысль пришла неожиданно. Дмитрий Алексеевич Ларин — инженер-механик, строитель «Авроры». Он работал здесь. На этой обшивке. Латал эти швы, крепил эти панели. Может быть, стоял на том самом месте, где сейчас стоит Михаил.

Сто двадцать лет назад. Те же звёзды. Та же пустота.

Те же руки одного из Лариных — в перчатках скафандра, неуклюжие, но упрямые.

Михаил почувствовал, что даже в открытом космосе он не один.

Связь.

Он стоял на корабле, который построил его прадед. Снаружи, в пустоте, среди звёзд. И чувствовал — физически, телом, костями — то, о чём прадед говорил в записи. «Я делаю это для тебя. Для тех, кто будет после».

Вот он — «после». Стоит на обшивке. Смотрит на звёзды. Живой.

— Ларин? — спросил Борис. — Ты плачешь?

Михаил моргнул. Влага в невесомости не стекала по щекам — она собиралась в уголках глаз, мешая видеть.

— Нет, — сказал он. — Пылинка попала.

— В скафандре? — Борис хмыкнул. — Ладно, давай к модулю. Работа не ждёт.

Биологический модуль ВМ-7 располагался на внешней обшивке первого тора — небольшая конструкция размером с кабину лифта, закреплённая на кронштейнах. Внутри — культуры микроорганизмов, подвергающиеся воздействию реальных космических условий: радиации, температурных перепадов, вакуума.

Эксперимент шёл уже восемь лет. Каждые три месяца кто-то из биоинженеров выходил, проверял, заменял образцы, снимал данные.

Теперь — Михаил.

— Вот он, — сказал Борис, указывая на конструкцию в десяти метрах от них. — Твой модуль. Я останусь здесь, на подстраховке. Если что — кричи.

— По радио?

— Нет, голосом. Как в детстве. — Борис усмехнулся. — Конечно, по радио. Давай.

Михаил перебрался к модулю — медленно, по направляющей, перецепляя тросы. Один прикрепил — второй отцепил. Золотое правило. Руки в перчатках хватались за поручни, ноги болтались в пустоте. Невесомость — странное ощущение: тело невесомо, но инерция осталась. Оттолкнёшься слишком сильно — улетишь. Повернёшься резко — начнёшь вращаться.

Он добрался до модуля. Закрепился. Открыл панель доступа.

Внутри — ряд контейнеров, каждый с маркировкой. Культуры, подвергающиеся радиационному воздействию. Культуры в температурных циклах. Контрольные образцы в защищённой камере.

Михаил достал инструменты — закреплённые на страховочных шнурах, чтобы не улетели — и начал работать.

Проверка герметичности каждого контейнера. Снятие показаний с датчиков. Замена одного из образцов — извлечь старый, вставить новый, убедиться, что замок защёлкнулся.

Работа была простой — но в перчатках скафандра каждое движение требовало втрое больше усилий. Пальцы не чувствовали. Запястья ограничены. Захват — грубый, неточный. То, что в лаборатории занимало минуту, здесь занимало десять.

Михаил работал и думал.

О бактериях в этих контейнерах. Маленькие существа, выживающие в условиях, которые убили бы человека за секунды. Радиация, холод, вакуум — а они живут. Делятся. Эволюционируют.

О Штамме-7 — его создании. Организме, который он спроектировал, чтобы выживать там, где жизнь невозможна. UV-устойчивость, холодоустойчивость, способность к фотосинтезу в экстремальных условиях.

Первые жители новой планеты. Первое зерно жизни.

Они сейчас летят к той планете. С экспедицией. С Кириллом, Тамариной, Нельсоном, Ингой.

А копии — в инкубаторе, в лаборатории.

Михаил закончил с модулем, закрыл панель. Убрал инструменты. И на мгновение — просто остановился.

Он висел в пустоте, привязанный двумя тросами к обшивке «Авроры», и смотрел. Не на корабль. Не на модуль. Не на Бориса, ждущего в десяти метрах. Туда.

В направлении, куда улетел шаттл. Где-то там его друзья летели к далёкой точке. Шаттл был невидим — давно исчез, растворился в темноте. Но Михаил знал направление. Чувствовал его — как чувствуют магнитный полюс, как чувствуют дом.

Темнота. Ничего. Ни единой точки, отличающейся от миллионов других. Просто — пустота, в которой летел маленький корабль с маленькими людьми, направляющимися к маленькой планете.

«Кирилл сейчас летит через эту пустоту», — подумал Михаил. «Тонкая стенка — всё, что отделяет его от смерти. Как и меня».

Он посмотрел на свои руки — в белых перчатках скафандра, неуклюжих, толстых. За этими перчатками — кожа. За кожей — кровь. За кровью — жизнь. Хрупкая, невероятная, упрямая.

Несколько сантиметров ткани и пластика. Вот и всё, что стояло между ним и вечностью. Между теплом и холодом. Между дыханием и вакуумом.

И он — живой. Несмотря ни на что.

Прадед тоже стоял здесь. Тоже смотрел на звёзды. Тоже думал о тех, кто будет после.

Михаил поднял руку — медленно, в невесомости — и прикоснулся к обшивке. Металл. Холодный даже через перчатку. Металл, который собирали, резали, варили, крепили люди, умершие задолго до его рождения. Люди, которые никогда не увидели эти звёзды такими, какими видел их он сейчас.

Или — видели? Прадед ведь тоже выходил на обшивку. Тоже чинил, латал, строил. Тоже висел в пустоте, привязанный тросами к кораблю, который ещё не был полноценным домом, а был стройплощадкой.

Может быть, прадед стоял на этом самом месте. Касался этого самого металла. И думал: «Когда-нибудь мой правнук будет здесь. И увидит то, что вижу я».

— Ларин, — голос Бориса. — Время. Пора возвращаться.

Михаил оторвал руку от обшивки. Посмотрел на звёзды — последний раз, долгий, запоминающийся. Потом развернулся и поплыл обратно к шлюзу.

Шлюзование — обратно: двенадцать минут. Давление возвращалось, и Михаил чувствовал, как мир снова обретает вес. Воздух. Звуки. Гравитация — слабая здесь, на оси, но ощущаемая.

Люк закрылся.

Михаил снял шлем. Первый вдох без фильтра — тёплый, влажный, с привкусом металла и пластика. Воздух «Авроры». Воздух, который он вдыхал каждый день своей жизни.

Никогда ещё этот воздух не казался ему таким ценным.

— Ну как? — спросил Борис, снимая свой шлем. — Стоило того?

Михаил посмотрел на него. Потом — на закрытый шлюз, за которым — вечность.

— Да, — сказал он. — Стоило.

Борис кивнул. Понимающе, без слов.

Вечером, в каюте, Михаил долго сидел у окна.

За стеклом — внутренняя сторона тора. «Небо» из световых панелей, далёкие конструкции, огоньки жилых секторов. Мир, который он знал. Мир, который казался огромным — изнутри.

Снаружи — он видел его настоящим. Маленьким. Хрупким. Висящим в бесконечности, как ёлочная игрушка на ветке дерева, которого нет.

И одновременно — прекрасным. Потому что внутри этой хрупкой скорлупы — жизнь. Два миллиона человек, которые работают, любят, мечтают, ссорятся, мирятся, рожают детей, умирают и рождаются снова. Бактерии в инкубаторах, которые делятся, не зная, что их создатель сидит в каюте и смотрит в окно.

Всё это — здесь. В тонкой скорлупе, летящей сквозь пустоту.

И он — тоже здесь. Не на планете, не в экспедиции, не там, где хотел быть. Но — здесь. Живой.

Михаил открыл дневник.

«День пятый.

Сегодня впервые вышел в открытый космос.

Не знаю, как описать. Словами не передашь. Тишина — абсолютная. Звёзды — не мерцают. Нет верха и низа. Нет ничего, кроме тебя и бесконечности.

«Аврора» снаружи — огромная и крошечная одновременно. Я трогал обшивку — металл, который, может быть, крепил мой прадед. Сто двадцать лет назад. Те же звёзды. Та же пустота. Те же руки в перчатках.

Я смотрел туда, куда улетел Кирилл. Ничего не видно. Просто — темнота. Но я знаю, что он там. Летит. Тонкая стенка отделяет его от смерти.

Как и меня. Как и всех нас.

Борис сказал: за сто двадцать три года — девять погибших при внешних работах. Девять человек. Это мало — статистически. Это много — по-человечески.

Вернулся внутрь — и воздух показался ценнее золота. Тепло, звуки, тяжесть. Всё, что мы принимаем как данность, — на самом деле чудо. Тонкий слой между жизнью и смертью.

Снаружи было... честнее. Не знаю, как это объяснить. Там — ты и вселенная. Без посредников. Без стен. Без иллюзий.

Хочу выйти ещё раз».

Он сохранил запись. Выключил планшет.

За окном — имитация заката. Световые панели приглушались, создавая иллюзию вечернего неба.

Но Михаил знал: за стенами, за обшивкой, за всеми слоями защиты — настоящее небо. Чёрное, бесконечное, равнодушное.

И прекрасное.

Глава 5. Старый знакомый

Заявку на реактивы Михаил подал в первый же день работы с Вайс.

Стандартная процедура: электронная форма, список необходимого, обоснование, подпись куратора. Вайс подписала без вопросов — бегло просмотрев список, кивнув, поставив электронную печать. «Всё в порядке. Отправляй». Михаил отправил.

Ответ пришёл через два дня.

«Заявка 2826-LAB-0094. Статус: принята к рассмотрению. Плановый срок выполнения: 14 рабочих дней. Примечание: L-пролин — ограниченный ресурс, доступность подлежит подтверждению. L-треонин — стандартный, в наличии. Глицин — стандартный, в наличии. С уважением, Департамент снабжения научного сектора».

Четырнадцать рабочих дней.

Михаил смотрел на экран и чувствовал, как нетерпение — новое для него чувство, рождённое из пустоты последних дней — закипает внутри. Четырнадцать дней. Две недели. Две недели ожидания, пока бюрократическая машина «Авроры» перемелет его запрос, проверит наличие, согласует с десятком отделов, выпишет накладную, доставит реактивы.

Две недели, в течение которых он мог бы уже получить результаты.

L-пролин — вот в чём была загвоздка. Аминокислота, которая входила в «коктейль» Льва Коэна. Не редкая в обычных условиях, но на «Авроре» всё было ограниченным ресурсом. Каждый грамм каждого вещества — учтён, распределён, привязан к плану. Чтобы получить что-то сверх плана — нужно обоснование, согласование, время.

Время, которого у Михаила не было. Или он так чувствовал.

На самом деле время у него было — больше, чем у кого-либо. Экспедиция улетела. Лаборатория полупуста. Вайс не давила. Никто не ждал от него подвигов. Никто вообще не ждал от него ничего.

Может, именно поэтому он торопился.

Потому что если остановиться — затопит. Пустота, которая ждала за каждым углом, за каждым свободным часом. Мысли о Кирилле, о шаттле, о планете, о семидесяти процентах. О Северове и его словах: «Ты слишком ценен». О Льве Коэне и его «Протоколе Пробуждения» — который был настоящим революционным прорывом.

Работа — единственный ответ.

А для работы нужен L-пролин.

Михаил сидел за столом, глядя на отказ департамента снабжения, и думал. Официальные каналы — медленные. Это нормально, это система, это порядок. Но есть другие каналы. Менее официальные. Менее медленные.

Вольные Порты.

Он знал о них — как все на «Авроре». Четвёртый тор, сектор торговцев и посредников. Место, где можно достать почти всё — если знать, к кому обратиться. Место, где правила существовали, но интерпретировались... гибко.

Он бывал там дважды. Один раз — транзитом, сорок минут между рейсами, ещё до подготовки к экспедиции. Второй раз — с командой, в их единственный выходной день перед вылетом экспедиции, в баре «Гравитация», где невесомость и коктейли превращали серьёзных учёных в хихикающих подростков.

Оба раза он чувствовал себя чужим. Порты — не его мир. Не его правила. Не его язык.

Но L-пролин — четырнадцать дней.

Михаил встал, надел куртку поверх комбинезона и вышел из лаборатории.

Транспортная капсула скользила вдоль центральной оси, и за окном менялись миры.

Первый тор — Республика Солнца. Научные институты, лаборатории, университеты. Аккуратные коридоры, тёплое освещение, люди в серо-зелёных комбинезонах. Порядок. Тишина. Предсказуемость.

Переход ко второму тору — Федерация Равнин. За окном мелькнули вертикальные фермы, уходящие в «небо» стеллажами зелени. Голубые световые панели, имитирующие открытое небо с облаками. Запах — даже через стекло капсулы, казалось, пробивался запах чего-то растущего, живого.

Третий тор — Корпоративный Анклав. Промышленные блоки, закрытые сектора, красные маркировки на дверях. Тишина другого рода — не спокойная, а настороженная. Здесь вращались шестерни, качались насосы, гудели реакторы. Здесь работала машина, которая кормила и согревала два миллиона человек.

И наконец — четвёртый тор.

Вольные Порты.

Капсула замедлилась, двери открылись, и Михаил шагнул в другую вселенную.

Шум.

Не тишина коридоров Республики, не мягкий гул ферм, не низкочастотная вибрация Анклава. Шум — живой, хаотичный, многослойный. Голоса, музыка, стук, лязг, смех, крики торговцев, гудение механизмов — всё смешивалось в поток, который должен был оглушать, но почему-то — не оглушал. Как прибой: сначала громко, потом — привыкаешь.

Вольные Порты были непохожи ни на один другой сектор «Авроры».

Четвёртый тор — самый маленький, население триста пятьдесят тысяч. Но на единицу площади здесь приходилось больше жизни, чем где-либо ещё. Улицы — если можно назвать улицами эти извилистые проходы между прилавками, палатками и конструкциями — были забиты людьми. Торговцы, покупатели, зеваки, музыканты, нищие — все перемешаны, все в движении.

Комбинезоны всех цветов — и не только стандартные секторальные. Здесь люди одевались как хотели: яркие куртки поверх форменных серых, шарфы, повязки, нашивки неизвестных гильдий и объединений. В Республике Солнца все выглядели одинаково. Здесь — каждый был индивидуальностью. Иногда — вызывающе индивидуальной.

Политическое устройство Портов было уникальным для «Авроры»: гильдейская республика. Не парламент, не корпорация, не федерация — совет торговых гильдий, где решения принимались на основе экономического веса. Кто больше и успешнее торгует — тот больше решает. Простая формула, приводящая к сложным результатам.

Правила здесь существовали, но, как говорил Артём Соколов — весельчак из улетевшей экспедиции — «в Портах правила — скорее рекомендации». Не анархия — но близко. Достаточно близко, чтобы получить то, что не получишь через официальные каналы.

Например — L-пролин.

Михаил шёл по главной «улице», оглядываясь. Он помнил примерное расположение прилавков, но с прошлого визита всё изменилось — палатки передвинулись, новые конструкции выросли, старые исчезли. Порты были живым организмом, постоянно меняющимся, перестраивающимся.

— Эй, учёный!

Голос — знакомый? Михаил обернулся.

Толстяк с рыжей бородой стоял у своей палатки, ухмыляясь. Тот самый — Михаил узнал его мгновенно. Широкое лицо, борода цвета меди, хитрые глаза, фартук с бесчисленными карманами.

— Вернулся? — спросил толстяк. — И без друзей на этот раз.

Михаил остановился.

— Вы меня помните?

— Я всех помню. Профессия такая. — Толстяк подмигнул. — Ты — Ларин. Биоинженер. Приходил с командой перед экспедицией. Высокий парень с тобой, пара девушек, весельчак с широкой улыбкой. Я ещё направил вас в «Гравитацию».

— Хорошая память.

— Не память — бизнес. — Толстяк постучал себя по виску. — Лица — это товар. Знать, кто есть кто, — половина успеха в Портах. Вторая половина — знать, что им нужно.

Он посмотрел на Михаила внимательнее. Улыбка не исчезла, но что-то в ней изменилось.

— Ты ведь тот парень, который не улетел? — спросил он. — Слышал о тебе.

Михаил напрягся. «Слышал о тебе» — фраза, которая в последние дни означала одно из двух: сочувствие или осуждение. Иногда — и то, и другое.

Толстяк заметил его реакцию.

— Расслабься, учёный. Я не сую нос в чужие дела. То есть сую, конечно — профессия такая, — но не для того, чтобы судить. — Он шагнул в сторону, освобождая вход в палатку. — Заходи. Поговорим.

Михаил колебался. Он пришёл за реактивами, не за разговорами. Но что-то в голосе толстяка — что-то тёплое, непринуждённое, лишённое того напряжения, которое он чувствовал от всех остальных — заставило его шагнуть внутрь.

Палатка оказалась больше, чем выглядела снаружи. Задняя стена была раздвижной, за ней — ещё одно помещение, и ещё одно. Лабиринт из контейнеров, стеллажей, ящиков. На полках — всё подряд: инструменты, одежда, электроника, какие-то устройства непонятного назначения, книги (бумажные!), посуда, химикаты в маркированных банках.

— Присаживайся. — Толстяк указал на табурет у низкого стола. — Чай? Настоящий, не из автомата.

— У вас есть настоящий чай?

— Сушёные листья из Федерации Равнин. Фермеры выращивают — не официально, для себя. Мне поставляют. — Он уже наливал из термоса в две чашки. — Одна из привилегий Портов: то, что «не существует» в официальных каталогах, здесь существует вполне.

Михаил принял чашку. Чай пах чем-то цитрусовым — тот самый, что мать заваривала для «особого случая». Последний раз он пил такой — когда прощался с родителями. Горло сжалось.

— Меня зовут Игнат, — сказал толстяк, садясь напротив. — Игнат Рыжий. Не фамилия — прозвище. По бороде. — Он погладил огненную бороду. — Ты — Михаил, это я уже знаю. Что привело тебя в мои скромные владения?

— Мне нужны реактивы. Для эксперимента.

— Реактивы. — Игнат поднял бровь. — Какие именно?

— L-пролин. Аминокислота. Через официальные каналы — четырнадцать дней.

— А тебе нужно быстрее.

— Да.

Игнат отпил чай, посмотрел на Михаила поверх чашки.

— L-пролин. Не самый ходовой товар. Но достать можно. У меня есть контакты в химическом секторе Анклава — они синтезируют аминокислоты для медицинских нужд. Иногда образуются... излишки.

— Излишки?

— Излишки. — Игнат улыбнулся. — Мир устроен так, что официально излишков не существует. Каждый грамм учтён. Но между «учтён» и «реально существует» — всегда есть зазор. Маленький, но достаточный.

— Это... легально?

— Это Вольные Порты, учёный. Здесь слово «легально» имеет... расширенную интерпретацию. — Игнат поставил чашку. — Скажем так: никто не пострадает, ничего не пропадёт, и департамент снабжения даже не заметит.

Михаил думал. С одной стороны — правила и четырнадцать дней ожидания. Протоколы. Система, в которой он вырос и которой доверял. С другой — эксперимент, который мог изменить всё.

Или он так думал.

— Сколько? — спросил он.

— Не в деньгах, — сказал Игнат. И его голос стал другим — серьезнее, тише. — Я не торгую с учёными за кредиты. Это дурной тон.

— А как тогда?

— За услугу. Будущую. Неопределённую.

Михаил нахмурился.

— Что за услугу?

— Не знаю. Пока не знаю. Может, ничего. Может, когда-нибудь мне понадобится что-то от тебя — консультация, помощь, информация. Может, нет. — Игнат пожал плечами. — Порты работают на доверии. Я тебе помогаю сейчас — ты помогаешь мне потом. Когда и если.

— А если я не смогу?

— Тогда — не сможешь. Никто не заставит. — Игнат смотрел на него прямо, без хитрости. — Это не шантаж и не ловушка. Это — как устроен мир. Люди помогают людям. Не за деньги — за связи. За отношения. За то, что когда-нибудь ты позвонишь мне в три часа ночи и скажешь: «Игнат, мне нужна помощь». И я помогу. А потом — я позвоню тебе.

Михаил молчал, переваривая.

— Ты думаешь, что это подозрительно, — сказал Игнат. — Вижу по лицу. «Почему незнакомый человек хочет мне помочь? Что ему нужно? Где подвох?»

— А разве нет?

— Нет. — Игнат покачал головой. — Подвох — это когда тебя обманывают. Я тебя не обманываю. Я тебе прямо говорю: помогаю сейчас — жду помощи потом. Прозрачно, как стекло.

Он допил чай.

— А почему помогаю именно тебе? Потому что ты — интересный. Молодой учёный, талантливый, с историей. Человек, которого вышвырнули из мечты — и который не сломался. Который пришёл в Порты за реактивами вместо того, чтобы лежать в каюте и жалеть себя.

Игнат наклонился вперёд.

— Такие люди — редкость. И в Портах мы ценим редкости. Сейчас отправлю сообщение, чтобы твой реактив поскорее принесли.

Разговор затянулся.

Михаил не планировал оставаться — хотел взять реактивы и уйти. Но Игнат был из тех людей, рядом с которыми время текло иначе. Медленнее. Мягче. Как будто за стенами палатки не было «Авроры» с её проблемами, не было пустой лаборатории, не было провала.

Игнат рассказывал — о Портах, о торговле, о людях.

— Порты — это зеркало Арка, — говорил он, разливая вторую порцию чая. — Здесь видно то, что не видно в официальных отчётах. Настроения. Страхи. Желания.

— Северов говорил то же самое, — вырвалось у Михаила.

Игнат поднял бровь.

— Капитан? Ты с ним разговаривал?

— Однажды. В баре «Гравитация».

— Да, он бывает там. Раз в месяц, может реже. Садится один, пьёт что-то тёмное, смотрит в пустоту. — Игнат усмехнулся. — Капитан — одинокий человек. Это видно. Даже в Портах это видно.

— Он говорил, что командир не может позволить себе друзей.

— Может, и прав. — Игнат пожал плечами. — Но Порты — не для одиночек. Здесь выживают те, кто умеет строить связи. Доверять. Рисковать.

— А те, кто не умеет?

— Те уходят. — Игнат посмотрел на него. — Обратно в свои тихие секторы, к своим тихим жизням. Ничего плохого. Просто — не для всех.

Михаил задумался. Он никогда не был «портовым» человеком. Он был учёным — лабораторным, кабинетным, привыкшим к порядку и протоколам. Но что-то в словах Игната резонировало.

«Строить связи. Доверять. Рисковать».

Разве не этому учил его Северов? Разве не об этом говорил прадед в своей записи? «Мы — команда. Здесь каждый знает, что без остальных — никуда».

— Расскажи мне о системе, — попросил Михаил. — Не об официальной. О настоящей. Как всё работает?

Игнат посмотрел на него с интересом.

— Зачем тебе?

— Хочу понимать. — Михаил подбирал слова. — Я двадцать один год прожил в Республике Солнца. Лаборатория, каюта, столовая. Мир в трёх точках. Я даже не знал, как выглядят Порты изнутри. И вот я здесь — потому что система, в которой я вырос, не дала мне то, что мне нужно. А ты — можешь.

— Потому что система — не друг и не враг, — сказал Игнат. — Система — это погода. Она есть. Она делает то, что делает. Иногда — солнце, иногда — дождь. Ты не можешь её изменить. Но можешь взять зонт.

— И Порты — это зонт?

— Порты — это люди, которые научились ходить под дождём. — Игнат улыбнулся. — И продавать зонты.

Он рассказал Михаилу о Портах — не ту историю, что написана в учебниках, а другую. Настоящую.

О гильдиях — торговых объединениях, каждое из которых контролировало свой сегмент: продукты, химикаты, электроника, услуги, информация. О Совете гильдий, где решения принимались не голосованием, а переговорами — долгими, хитрыми, многоходовыми.

О теневой экономике — не преступной, а параллельной. Системе обменов и услуг, которая существовала рядом с официальной экономикой «Авроры» и дополняла её. «Официально — всё учтено. Неофициально — есть зазоры. В зазорах живём мы».

О людях — о торговцах, которые знали каждого клиента по имени; о мастерах, которые чинили то, что «не подлежит ремонту»; об информаторах, которые продавали не товары, а знания.

— Информация — главный товар, — говорил Игнат. — Дороже еды, дороже энергии. Кто знает — тот контролирует. В Портах знают всё. Кто с кем спит, кто с кем торгует, кто от кого прячется. И кого выкинули из экспедиции.

Он посмотрел на Михаила.

— Ты — известный человек. Не думал?

— Известный?

— «Парень, которого Северов вычеркнул из списка». Об этом говорят. Не только в Портах — везде. Люди любят истории о несправедливости. Они делают тебя... узнаваемым.

— Это не история о несправедливости, — сказал Михаил. И сам не понял, что имеет в виду. Северов сказал — «я тебя спасал». Правда? Ложь? Он всё ещё не знал.

— Может, и нет. — Игнат пожал плечами. — Но люди так думают. И это — тоже капитал. В Портах всё — капитал.

Игнат достал реактивы через три часа.

Пока Михаил сидел в палатке, допивая третью чашку чая и слушая истории о торговых войнах между гильдиями, Игнат сделал два звонка, отправил одно сообщение и принял одного посетителя — тощего мужчину в чёрном комбинезоне, который вошёл, молча передал пакет, получил что-то в ответ и ушёл.

— Вот. — Игнат положил на стол контейнер. Небольшой, герметичный, с маркировкой химического сектора Анклава. — L-пролин. Двадцать граммов. Чистота — фармацевтическая. Достаточно?

Михаил открыл контейнер, посмотрел на белый кристаллический порошок внутри. Двадцать граммов — более чем достаточно для нескольких экспериментов.

— Более чем.

— Глицин и треонин у тебя есть?

— Через официальные каналы — да, они стандартные, доставят через день-два.

— Хорошо. — Игнат закрыл контейнер, подвинул к Михаилу. — Забирай.

Михаил взял контейнер. Повертел в руках. Двадцать граммов белого порошка. За них — Игнат потратил три часа и несколько неназванных ресурсов. За них — Михаил теперь «должен». Неопределённый долг неопределённого размера.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. — Игнат откинулся на стуле. — Точнее — пока не за что. Когда-нибудь будет за что.

Пауза.

— И ещё кое-что, — добавил Игнат. — Бесплатный совет. Не из бизнеса — от себя.

Михаил ждал.

— Ты — учёный. Умный парень. Но мир не состоит из лаборатории и каюты. Мир — здесь, среди людей. И если ты хочешь чего-то добиться — тебе понадобятся не только реактивы. Тебе понадобятся люди. Связи. Союзники.

— У меня есть...

— Кто? — Игнат загнул палец. — Капитан, который тебя вышвырнул — или спас, смотря кому верить. Девочка одиннадцати лет. Друг, улетевший на другую планету. Родители, которые не знают, что происходит. — Он покачал головой. — Этого мало.

— А ты? — спросил Михаил. И удивился собственной смелости.

Игнат посмотрел на него. Долго, оценивающе. Потом — улыбнулся. Не торговой улыбкой, не дежурной. Настоящей.

— А я — посмотрим, — сказал он. — Порты не дружат сразу. Порты присматриваются. Оценивают. Проверяют.

— И?

— И пока — ты проходишь проверку. — Игнат встал, протянул руку. — Приходи ещё, Михаил Ларин. Не только за реактивами. Просто так. Чай — всегда горячий.

Михаил пожал руку. Ладонь Игната была мягкой — не как у Бориса-техника, не как у Северова — но рукопожатие — крепким.

— Приду, — сказал Михаил.

Он шёл обратно по «улицам» Портов, и мир выглядел иначе.

Не потому что Порты изменились — они были такими же шумными, хаотичными, пёстрыми. Изменился он. Или, точнее, — его взгляд.

Раньше — проходя здесь — он видел беспорядок. Толпу. Торговцев, зазывал, подозрительных типов. Место, от которого нужно держаться подальше.

Теперь он видел — систему. Другую систему, не похожую на ту, в которой вырос. Но систему с правилами, с иерархией, с логикой. Люди здесь не хаотичны — они просто организованы иначе. Не вертикально, а горизонтально. Не по командам сверху, а по связям между собой.

«Система — не друг и не враг. Система — это погода».

Игнат был прав. И неправ одновременно. Система — не только погода. Система — это люди, которые её создали. Люди, которые решают, как она работает. Люди, которые могут её изменить.

Или обойти.

Михаил прижал контейнер с L-пролином к груди и ускорил шаг. Впереди — лаборатория. Впереди — эксперимент. Впереди — ответы на вопросы, которые не давали спать.

На выходе из Портов он остановился у лифтовой станции и обернулся.

Порты гудели за его спиной — живые, дышащие, непредсказуемые. Где-то в глубине этого лабиринта из палаток и прилавков Игнат Рыжий наливал себе очередную чашку чая и, может быть, уже рассказывал следующему посетителю о «том учёном, который не улетел».

Михаил усмехнулся. Впервые за неделю — не горько.

У него был L-пролин. У него была лаборатория. У него был план.

И — может быть, может быть — у него появился союзник. Или что-то, что однажды может им стать.

«Порты помнят должников», — сказал Игнат.

Что ж. Пусть помнят.

Вечером, в каюте, Михаил открыл дневник.

«День седьмой.

Был в Вольных Портах. Познакомился с одним торговцем, посредником — человеком, который знает всех и всё. Он достал мне L-пролин за три часа. Официальные каналы — четырнадцать дней. Разница — очевидна.

Он не взял денег. Сказал: «За услугу. Будущую». Порты работают на связях, не на деньгах. Странная система. Непривычная. Но — рабочая.

Один человек в Портах сказал: «Система — не друг и не враг. Система — это погода». Красиво. И, пожалуй, точно. Нельзя злиться на дождь. Можно — взять зонт.

Ещё он сказал: «Тебе понадобятся люди. Союзники». Он прав. У меня сейчас — Аня. Родители. Вайс (куратор). И, может быть, Северов. И, может быть, — один человек в Портах.

Завтра — начинаю подготовку к эксперименту. L-пролин есть. Глицин и треонин придут через пару дней. Культуры — в инкубаторе. Всё готово.

Или почти готово.

Рисунок Ани стоит на столе. Планета с зелёными деревьями. Я пока не знаю, увижу ли её когда-нибудь. Но я знаю, что буду работать. Каждый день. Каждый час.

Работа — единственный ответ.

Прадед знал это. Тамарина знала. Человек в Портах — тоже знает, хотя говорит об этом другими словами.

Все знают. Вопрос — кто делает.

Я — делаю».

Он сохранил запись. Выключил планшет. Посмотрел на контейнер с L-пролином, стоящий на тумбочке.

Белый порошок. Двадцать граммов. Один из ингредиентов «Протокола Пробуждения» Льва Коэна.

Через несколько дней он начнёт эксперимент. Через неделю — узнает первые результаты. Через две...

Михаил закрыл глаза.

Но L-пролин уже лежал на тумбочке. Часы тикали. Будущее приближалось — неотвратимо, как рассвет на «Авроре».

Сон пришёл быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.